

ХРАНИТЕЛЬНИЦА

ОБРЕТЕНИЕ МИРА ЛЮДЕЙ

ОКСАНА ЮРЬЕВА

Оксана Юрьева

**Хранительница.
Обретение мира людей**

«Издательские решения»

Юрьева О.

Хранительница. Обретение мира людей / О. Юрьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748677-8

Беззаботна жизнь Гармоничного мира — совершенного создания звездных богов. Хранительница бережет его неизменность, и ничто не может нарушить привычного течения тысячелетней жизни его обитателей... Но уже возродилась в глубинах вселенной древняя жажда, и всепроникающая ее энергия вползает в миры, привнося в умы жажду власти и Хаоса. И уже чья-то жестокая воля лишает Хранительницу ее мира и забрасывает в злобный мир людей. Гибель ждет ее там или нечто, что никогда не смог бы дать ей Гармоничный мир...

ISBN 978-5-44-748677-8

© Юрьева О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Хранительница Обретение мира людей Оксана Юрьева

© Оксана Юрьева, 2016

© Роман Батуев, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Солнце било в небольшие окна, пронизывая ярким светом маленькую комнату, глиняный пол которой был выстлан разноцветными дорожками тканых половичков. Красивая молодая женщина с золотыми волосами, убранными в косу, сидела на краю маленькой кровати, тихонько напевая колыбельную.

Темная деревянная дверь, чуть скрипнув, открылась. Женщина подняла глаза и охнула, прикрыв ладонью рот.

– Король Аттал, – бросилась она через мгновение, словно стряхивая с себя, завладевшую ею при виде такого гостя оторопь, навстречу входящему мужчине со светлыми усами окаймлявшими подковой мужественный рот. Мужчина был широк в плечах и так высок, что ему пришлось нагнуться, входя в небольшую дверь просто устроенного жилища.

– А где..., – с тревогой обратила женщина свой взор за плечо мужчины на незакрытую им дверь.

– Прости, Ама, – король Аттал опустился на одно колено. Глухо ударились о пол сабля в золотых ножнах, поднимая край алого походного королевского плаща. Молодой король, прижимая одну руку к груди, а другой, держась за рукоять сабли, словно набираясь у нее сил, опустил голову и заговорил глухо, не отрывая взгляда от полосок на тканых половичках, устилавших пол, делая этот маленький жилой мир таким уютным.

– Твой муж пропал за Окраинным озером в Запретном лесу. Водяное чудо не тронуло нас, когда мы переплывали озеро. Я даже не знаю, как всё произошло. Ночь мы провели на берегу. Утром я открыл глаза, но его рядом не было. Я целый день ждал его... Прости Ама, – наконец он взглянул на женщину.

Женщина твердо сжала чуть дрогнувшие губы и опустила руки.

– Что ж, это его выбор, – она горько вздохнула и подошла к кровати.

– Тяжелая выпала тебе ноша, – чуть слышно произнесла она серьезно, даже строго смотря на спящую в кровати девочку с золотыми кудряшками, – ты последняя в этом мире Хранительница и пусть так будет. Король Аттал, – гордо вскинув голову, с достоинством равного обратилась она к мужчине со светлыми усами, – я в твердом уме и здравой памяти передаю свой пост, переходящий мне по праву закона от моего мужа и свои возможности, дарованные мне звездными богами моей дочери Ине. Я обязуюсь передать все знания до дня шестнадцати ее людских лет. Передай второму Хранителю, я рада видеть его в своем жилище.-

– Да будет так, – выдавил глухо король Аттал, поднимаясь с колена.

Глава 1

– Еще чуть-чуть, еще самую малость, – подбадривала себя Ина, внимательно выбирая камень, чтобы ухватиться понадежней рукой, переставляя ногу на каменный уступ, уверенно закрепляясь на нем для последующего движения дальше, все выше по скале, все ближе к уже видимой цели. Все-таки путь по отвесной скале к самой вершине Высокой кручи, выбранного Иной для сегодняшнего посещения границы не самый легкий путь наверх, но она четко следовала уроку своего наставника – потоки пульсирующей голубой энергии – это просто, но нужно тренировать не только разум, но и тело. И вот она, такая привычная и каждый раз новая, награда за упорное восхождение. Ина подошла к краю Высокой кручи и, раскинув руки, с восторгом отдалась вихрящимся вокруг нее в бесконечном своем движении живым потокам прозрачного воздуха, сливаясь с ними, пропуская их через свои легкие, наполняя себя и наполняя собой все окружающее пространство, поднимая глаза к синеве такого близкого неба и каждой, самой крохотной частичкой своего тела ощущая: она сама – это небо, она сама – эта гладь, лежащего внизу Окраинного озера, она сама – этот уходящий в бесконечность Запретный лес. Как это прекрасно, быть одновременно и центром и маленькой частью, крохотной песчинкой великого замысла вселенной, вот так тесно, со всех сторон окружающего ее мироздания. И в такие моменты Ине казалось, что она слышит стрекот мельчайших насекомых в траве у подножия Высокой кручи и шепот далеких неведомых звезд, чей-то разговор и счастливый смех в городе Стражей и мощные отголоски звуков рождения новых миров... Благоговейный трепет от соприкосновения с захватывающей дух мощью вселенной накрывает ее, и все вокруг становится голубой энергией... Это и есть награда, это и есть смысл нахождения Ины в Гармоничном мире... Постепенно солнечные лучи возвращаются, размывая голубое свечение, приглушёвывая его, возвращая с собой яркие краски окружающего. Ина, неторопливо снимая колчан со стрелами и легкий лук, садится на самый край ровного каменного монолита на самом верху Высокой кручи нагретой теплыми лучами сияющего в синем небе солнца, свесив ноги и болтая беззаботно ими над самой бездной. Она не боится этой бездны под Высокой кручей – огромной скалой, у которой Граничная река впадает в Окраинное озеро – границы заселенного Гармоничного мира. Она совсем не думает о том, что под ее ногами. Как же манит своей неизведанностью эта даль за озером, эта, бесконечной волной уходящей за горизонт, цепь холмов поросших кажущимся отсюда мрачным и от этого таинственным, полным загадок Запретным лесом. Что таит в себе дальше за границами Гармоничного мира? Каковы они многорукие великаны – хозяева этих просторов, и какие еще чудеса скрываются там за огромной гладью Окраинного озера и в неизвестных Высоких горах, из которых вытекает Граничная река, глубоким каньоном прорезая их и делая неприступным большую часть Гармоничного мира. Внезапно неясный звук приходит с порывом ветра со стороны Запретного леса. Ина пристально смотрит вниз и улыбается. На темно-синей поверхности воды Окраинного озера, внизу под скалой проявилась огромная тень распластанных крыльев. Ина поднимает голову. Большая птица делает круг над ее головой и, осторожно складывая крылья, приземляется на край Высокой кручи рядом с Иной. Она издает громкий горловой звук.

– Я тоже рада видеть тебя, Большая птица, – Ина бережно касается тугих блестящих на солнце перьев крыла птицы. Обычный ритуал совершен, и они, как это уже давно принято ими обеими, смотрят на неторопливый бег редких белых облаков, лениво плывущих над Окраинным озером в сторону Запретного леса, объединяя в своем вечном движении два совсем неизвестных друг другу мира...

Когда-то, совсем в недалекие и уже давние времена, в один из походов на кручу Ина нашла в самом конце сглаженной площадки, среди начинающегося хаоса камней птицу со сломанным крылом. Птицы жили в Запретном лесу, где кончался Гармоничный мир. Ина часто

наблюдала, как они стремительно падают вниз, хватая с поверхности серебристую большую рыбу. Значит птицы питались живой плотью и представляли угрозу Гармоничному миру. Они с опаской смотрели друг на друга. Птица с яркими бело-серыми перьями и загнутым клювом была молода. Что заставило еще неокрепшего птенца перелететь такое расстояние, жажда добычи? Ина заглянула в глаза большой птицы. Та ответила таким же изучающим взглядом. Нет, поняла Ина, обычное любопытство умной птицы, познающей окружающее, знакомое Ине чувство, которое и толкало ее на Высокую кручу, заставляя всматриваться за границы исследованной земли Гармоничного мира. И тогда она просто улыбнулась птице, осторожно протягивая к ней руку. Птица издала горловой звук и тихонько попятилась, таща за собой сломанное крыло.

– Я тоже не всегда рассчитываю свои силы, – с сочувствием протянула Ина. С этих пор она каждый день совершала нелегкое восхождение на Высокую кручу, принося птице воду из озера, но вот с едой... Птица категорически игнорировала растения и плоды принесенные Иной. Она сидела, нахохлившись, и молчала. Ина уже начала серьезно беспокоиться о ее состоянии. Птица голодала. Она с тоской смотрела вдаль, где над кромкой Окраинного озера у Запретного леса ее сородичи, расправив сильные крылья, падали вниз, и взлетали, унося в когтях бьющуюся серебристую рыбу. Ночью сильная гроза бушевала над озером, ветер нагонял большие волны. Ина пришла к воде утром, когда уже совсем привычно светило горячее солнце, и ничего не напоминало о ночном буйстве природы. Только кучки мальков, погибших во время стихии, наполняли полоску песка у воды. Конечно, вскинулась Ина, вот оно решение.

– Мама, но это же не живая плоть, это погибшие маленькие рыбки, – горячо доказывала она матери, в ответ на ее решительное: «нет», – мама, неужели живой птице нужно дать погибнуть только из-за того, что ее природа такова, – возмущалась Ина.

– Закон Гармоничного мира гласит... – начала неумолимая Ама.

– Я – Хранительница, – нетерпеливо прервала ее тогда Ина, – и имею право внести изменение в имеющиеся законы, не правда ли, – с вызовом обратилась она к матери. Ама на некоторое время застыла в раздумье. Вопрос застал ее врасплох.

– Хорошо, – вдруг выдохнула Ама, – не наше право быть равнодушными к тому, кого привели в этот мир звездные боги.-

Ина незамедлительно отправилась к Окраинному озеру. Ослабшая птица уже без интереса смотрела на движение Ины, когда она доставала тканую сумку с собранными в зеленые листья растущего на берегу дерева серебристыми дохлыми мальками. Ине показалось, что глаза птицы даже округлились, когда она увидела содержимое сумки. Ина не стала мешать ей и тут же удалилась. На следующий день Ина собрала всю выброшенную на берег за ночь погибшую живность, включая разных моллюсков и крабов, и отнесла на скалу. Птица быстро крепла, встречая каждое утро Ину биением выздоравливающего крыла, а в какое-то утро Ина не нашла на скале никого. Ине стало и радостно, и грустно. Она так привыкла к птице, к ее непонятным ответам горловым звуком на разговоры-размышления Ины. Ина вздохнув, привычно села и свесила ноги с кручи, наблюдая, то за бегом облаков по синему небу, то бросая взгляд на гладь вод Окраинного озера, и вдруг внизу она четко различила тень, скользящую неспешно по воде, тень от огромных распластанных крыльев и услышала торжествующий громкий горловой звук. Большая птица покружилась над ее головой, показывая Ине мощь своего обретенного полета и аккуратно приземлилась рядом с Иной на край скалы. Ина осторожно протянула руку и первый раз коснулась упругих блестящих перьев.

– Я рада твоему возвращению в большой мир, – тихо сказала Ина. Птица, не отрывая взгляда от горизонта, издала привычно горловой звук, даже не шелохнувшись, позволяя Ине спокойно касаться ее возрожденного крыла. С тех пор прошло много времени. Птица стала совсем взрослой и сильной.

– Что нового в твоём Запретном лесу, – спрашивает Ина, чуть касаясь рукой гладких перьев птицы и в этот раз. Птица опять издает горловой звук.

– Да, у нас тоже все по-старому. Правда, старик – Смотритель животных опять был недоволен. Он видел тебя над моим домом.-

Ина глянула на птицу. Та молча смотрела вдаль, иногда прикрывая большие глаза серыми чешуйками век.

– Я понимаю, – продолжила Ина, – ты время от времени проверяешь, все ли у меня в порядке. Я благодарна тебе, но старик ворчит. —

Птица опять издала горловой звук и, чуть наклонив голову, посмотрела на Ину, впрочем тут же переведя взгляд на Запретный лес.

– Я действительно тебе благодарна, – улыбается Ина птице. Большая птица опять издает горловой звук и, подходя к краю скалы, взмывает над бездной, расправляя огромные крылья, величественно скользя над гладью Окраинного озера, пока не исчезает, теряясь среди деревьев Запретного леса. Ина чуть усмехнулась, провожая взглядом Большую птицу... воспоминание... уже о далеком, оно так забавно.

– Большая птица из Запретного леса прилетает к порогу твоего дома. Она ведь привыкает к тебе, еще немного, и вы начнете понимать друг друга, а ведь она хищник, что запрещено законом Гармоничного мира. Неужели я должен объяснять закон самому Хранителю, – выговаривал в саду у белой стены их с Амой дома Смотритель животных подрастающей Ине много времени назад, – она питается живой плотью. Ты посмотри, какие у нее когти, а ведь это только птенец, а клюв. О, звездные боги, – закатил глаза смотритель, потрясая посохом, – гони эту мерзость. Меня стошнит, если я представлю, что она делает с этими пушистыми зверьками, разрешенных в Гармоничном мире для держания в домах.-

– И не представляйте, – упрямо буркнула Ина, глядя на старика из-под насупленных бровей.

– Вот видишь, Ама, а она уже Хранительница, все ли ты знания передала ей, – возопил Смотритель, обращаясь к стоящей рядом с ним и смотрящей печально на Ину матери.

– Прости ее, Смотритель, – тяжело вздохнув, произнесла Ама, – прости меня, она росла без второй половины энергии делающей семью полностью гармоничной и, конечно, это мое упущение. Нельзя дерзить, Ина, – укоризненно покачала головой Ама.

– Простите, Смотритель, – прижала Ина ко лбу скрещенные треугольником пальцы.

– Ладно, – пробурчал неуспокоенный старик, – пошла вон, – посохом отстранил он птицу с выложенной каменными плитами тропинки. Птица чуть склонила голову и попятилась, слегка взмахнув крыльями, уступая ему дорогу.

– Что будет с Гармоничным миром, если Хранительница нарушает правила, – ворчал уходящий по тропинке старик. Ина подошла к птице и обняла ее за шею.

– Я знаю, ты понимаешь меня. Лети, я буду всегда ждать тебя на краю самой высокой скалы, на берегу Окраинного озера... —

Ну что ж, Ине тоже пора. Сегодня особенный день. Вспыхнут где-то новые звезды и, степенно скользя по своим орбитам, сойдутся планеты в определяющем этот важнейший для Гармоничного мира момент, порядке, который повторяется раз в сто лет неизменно, как сам Гармоничный мир. К вечеру ей обязательно нужно посетить Заветную рошу. Ковер мироздания наверняка начал накапливать энергию для созревания плода рождения. Даже любопытно, кто же сегодня придет к черным деревьям, чтобы зажечь Ковер мироздания. Нет, на спуск своим ходом уже нет времени. Хранительница закрыла глаза. Чуть вспыхнула голубая молния, пойманного потока постоянно пульсирующей вокруг энергии. Она открыла глаза. У ее ног, отделенная желтой полоской мелкого песка, прозрачной водой мелководья начиналась поверхность Окраинного озера, уходя беспредельной гладью к Запретному Лесу. Ина привычно сложила у лба пальцы в виде треугольника и с вечным благоговением произнесла: – спасибо, –

благодаря окружающее за потоки голубой энергии, перемещающие Ину мгновенно в любую точку Гармоничного мира. Кажется, осталось последнее, чтобы двинуться назад к дому.

Ина не снимает походной одежды. Все-таки ее мать Ама была очень предусмотрительна, даже в мелочах одежды продумывая удобство выполнения Иной обязанностей Хранительницы Гармоничного мира. Выкрашенная синей краской добываемой из корней болотных растений со Срединной реки приятная для тела ткань из крепкой травы была подарена в знак признания за Иной ее поста Хранительницы вторым Хранителем – Жабой. Ткань ценилась женской половиной гармоничного мира за необычный стойкий цвет, который не убивало даже яркое солнце, круглый год одаривающее своим щедрым теплом Гармоничный мир. Но Ама оценила ее прочность.

– Ветки черных деревьев такие острые, – произнесла она, принимая дар и прикладывая максимум усилий, чтобы разорвать ткань под доброжелательным, но скептическим взглядом Жабы, который наблюдал за процедурой, скрестив руки на своем выдающимся животе. Короткий жилет прикрывал грудь, не мешая рукам и позволяя впитывать всем телом потоки пульсирующей энергии. Ина с легкостью, не замечая одежды, запрыгивала на любую ветку черных деревьев. Длинная юбка с разрезами по бокам не являлась препятствием для тренированных ног. Ну а сандалии она уже соорудила сама, проделав в обточенных кусочках коры дырочки и протянув через них тесемки из того же крепкого синего материала.

Можно конечно ходить босой, получая энергию от зеленой травы и черной земли, что и делало большинство населения Гармоничного мира, но Ина уже наступала ногой на травяном лугу, в низине разделяющей холм с Заветной рощей от холма, на вершине которого стоял ее дом, на колючих глазастых зверьков, которые Ама называла ежами. Ощущения не очень приятные. Еще зверьки, недовольно фыркая, разбегались из-под ее ног, а поэтому приходилось вставать на одно колено, и читать про себя, сложив треугольником пальцы у лба специальные изречения, прося прощения у живого зверя Гармоничного мира и это самое мучительное для вечно спешащей Ины.

Ина оставила на берегу колчан со стрелами и лук. Вода, как всегда, приятной прохладой освежила в уже начинающейся жаре загорелое тело. Ина медленно поплыла, продлевая удовольствие от соприкосновения кожи с водой. Ама не давала ей этот урок. Видимо само окружающее подсказало Ине это решение, когда она оказавшись на берегу Окраинного озера в своих исследовательских изысканиях сначала с опаской, но все-таки так решительно вошла в неведомые воды и поняла сразу – вода способствует усилению концентрации пульсирующей голубой энергии вокруг нее, более того – она усиливает потоки внутри Ины, ускоряя их движение, как-будто эта субстанция живая и делится с Иной своей жизненной энергией, концентрируя ее в бегущей по сосудам крови.

Ина выходит из озера, отжимая воду руками, закручивая тугим жгутом длинные золотистые волосы. Жаркое солнце быстро их высушит, и они тяжелой волной раскинутся по спине. Ина развязывает, а затем снова стягивает узлом покрепче тесемки, вплетенные в две тонкие косички, освобождающие лоб от падающих на глаза волос. Она поднимает с земли колчан и лук, привычно закидывая их на плечи.

– Кажется придется задержаться, – чуть слышно произносит Ина, вглядываясь в еле заметное дрожание воды на поверхности озера прямо напротив нее. Дрожание усиливается, наконец, вода закипает в бурлящем круговороте, а затем остывает, гаснущими кругами разбегаясь по поверхности воды. Зеленоглазый человек, отряхивая с идеально белых волос капли воды, убирая их за уши ладонями, выходит на берег. Сильный торс блестит на солнце пропитанной влагой кожей. Штаны из специальной ткани обтягивают крепкие ноги. Это для лучшего скольжения в воде. Ина знает. Такую ткань ныряльщики за жемчугом обменивают у народа воды на разные железные штуки.

– Приветствую тебя, Водяное чудо, – обращается к нему вежливо Ина, чуть склонив голову, прикладывая к сердцу ладонь.

– Опять смотрела на Запретный Лес, – усмехнулся человек, отвечая тем же жестом и садясь у ее ног на зеленую траву. Ина сняла колчан со стрелами, лук, положила рядом с человеком, и спокойно устроилась тут же.

– Ты даже из своих глубин смотришь за мной, мой негласный наставник, – улыбнулась она дружелюбно.

– Смотрю, – улыбнулся в ответ человек, – смотрю и радуюсь, что не ошибся и не послушал старейшин моего народа, выйдя на берег в тот день, когда ты, Хранительница с Амой совсем еще ребенком появилась на берегу моего дома-озера, а ведь могло случиться непоправимое, если бы я решил иное и взял тебя за руку, ведя в глубины озера. Я знал честность твоей семьи, но не знал тогда твоего нрава, нрава той, что должна была блюсти правду, правду, как для своего народа, так и для соседей, а ведь в соседстве наших миров бывало разное... – Водяное чудо нахмурился, вспоминая то, о чем совсем не знала Ина за свой срок, прожитый в беззаботности Гармоничного мира.

– Такого не могло быть изначально, – покачала головой Ина, – ты был сильный и красивый, и совсем не грозный, когда вышел из вод. Ты вызвал не страх тогда во мне, лишь доверие. –

– Все справедливо, Хранительница, – перестал хмуриться Водяное чудо и его глаза опять наполнили тепло, – я давно не видел тебя, – он внимательно и нарочито строго глянул на Ину, – безоблачная жизнь, не испортила ли тебя, превращая в хорошенькую куклу, размягчая твои мозги и ослабляя твое тело. Не стала ли ты без моего присмотра обычной девушкой, а не Хранительницей. –

Ина хмыкнула и молча метнула клинок в прибитую к берегу узкую палку, молниеносно доставая его из чехла, закрепленного у бедра. Клинок, точно посередине, разрубил палку, уходя под воду.

Водяное чудо довольно улыбнулся. Ина вполне могла метнуть нож в стоящее неподалеку дерево, но она усложнила задачу, не раздумывая, моментально, следуя сформированному внутреннему своду личных правил. Она не имела право кинуть нож в растущее на берегу дерево – оно было живое. Закон Гармоничного мира и ее закон. Ина встала и пошла к воде.

– Ты до сих пор уверен, что ловкое тело и сильные руки так же важны для Хранителя, как и умение управлять пульсирующими потоками, – спросила она, нагибаясь и доставая из воды свой узкий клинок.

– Я не зря, девочка, подарил этот клинок тебе, когда ты одна первый раз пришла к озеру. Я помню великий Хаос. То время таило много опасностей и каждый житель наших миров умел защищаться или хотя бы старался выжить... Пульсирующая энергия – дар мира Гармонии, пусть им пользуется тот, кому безразлично его будущее, но разве ты можешь предугадать в какие обстоятельства закинет тебя прихоть событий, и кто окажется перед тобой в момент переноса потоком, даже в Гармоничном мире. А потом... жизнь многогранна, сегодня ты в Гармоничном мире, а завтра... Как знать, – покачал головой Водяное чудо.

– А мне нравится удивлять Аму, когда она что-то бормочет о даре зоркости при моей стрельбе из лука, даже не догадываясь сколько раз ты натягивал тетиву этого лука, сжимая мои пальцы, передавая им свою силу... – Ина чуть помолчала, – поэтому ты так внезапно исчез, потому что решил, что я уже не нуждаюсь в твоих уроках? – она смотрела на Водяное чудо с укором.

Человек опять усмехнулся.

– Не обижайся, Хранительница, я смотрю за тобой из своих глубин. Ты хорошо выполняешь возложенное на твои плечи. Мой народ доволен. Никто не нарушает покой вод нашего озера. Никто не жаждет вражды и не ищет чужого добра. Наши миры здравствуют добрыми соседями, совершая выгодные обмены. Зачем искать встреч с тобой в устоявшемся мире, тому,

кто выполнил взятые когда-то на себя обязательства из хрупкой девочки вырастить мужественного воина, – он, улыбаясь, смотрел прямо на Ину.

– Тогда, что заставило тебя искать встречи со мной сейчас, Водяное чудо, – Ина вышла из воды и встала напротив.

Водяное чудо снова нахмурился, и на его спине резко вздыбился острыми краями костяной плавник, изгибаясь твердой линией вдоль позвоночника от шеи и до пояса. На шее, за ушами, не скрываемые белыми волосами, открылись жаберные щели.

– Мне не спокойно, Хранительница, – глянул он строго, помутневшими от наполнявшей их тревоги зелеными глазами на Ину, – я сотни лет наблюдаю, как по воде Окраинного озера уходят обретенные сущности в Запретный лес – эти энергетические оболочки жителей Гармоничного мира, я вижу их. Они спокойны и умиротворены, их час пробил. Я сотни лет провожаю через Окраинное озеро в Запретный лес тех других, которые плывут на лодках – материальные тела лишенные жизненной энергии. Изгой Гармоничного мира – тени. Я слежу, чтобы они доплыли до Запретного леса и остались там, пригоняя назад лодку. Этот порядок установил отец-основатель, пришедший сюда после великого хаоса и возродивший порядок в этом мире – твой отец. Я и мой народ, вечно живущие здесь, приняли этот порядок – это было давно... а теперь их нет... Теней нет... Их вообще нет, – с тревогой глядя на Ину подчеркнул Водяное чудо.

– Да отказ прийти на ковер мироздания и создать кокон – такого давно не было, я бы знала, да и другие нарушения законов... – не совсем понимая, о чем идет речь осторожно начала Ина.

– Это твои посланцы, Хранительница, – нетерпеливо перебил ее Водяное чудо, – и они всегда были редки, но я говорю о других, раньше их было много, до того, когда ты, по закону Гармоничного сосуществования всех граничных народов, стала Хранительницей, много больше, несравнимо больше. —

– О чем ты, Водяное чудо, – Ина действительно совсем не понимала, о чем сейчас говорил Водяное чудо, что он пытался довести до ее разума.

– Я говорю о тех, кто не смог стать стражами. Аттал не щадил таких, он отправлял их ко мне. Их было больше остальных нарушителей законов – изгоев и они становились тенями.-

– Почему, – искренне удивилась Ина. Она очень мало знала о стражах, о законах регулирующих их жизнь. Самое общее, что знали все остальные жители Гармоничного мира. Король Аттал лично отбирал будущих стражей и занимался их обучением. Любой мог при желании стать стражем, и это было почетно – охранять спокойствие своего мира, быть гарантом гармонии Гармоничного мира, но такие строгости...

– Не знаю Хранительница, – пожал плечами Водяное чудо, – это мне неизвестно. Так было всегда. Я знаю – стражи не твоя ответственность. Второй Хранитель Жаба лишает их энергии Гармоничного мира. Король Аттал непреклонен – его стражи должны быть идеальны.-

– Не понимаю такой строгости, – нахмурилась Ина, – не создать кокон новой жизни – это ужасно, но не иметь сил стать стражем... —

– Таков порядок Хранительница. Ты мыслишь о том, что тебе понятно, что привычно. Стражи... – он серьезно глянул в глаза Ины и покачал головой, – меня очень пугает, что теней нет.-

– Почему ты не поговоришь с самим королем Атталом, – Ина не переставала хмуриться.

– Король Аттал... – вдруг протянул Водяное чудо, – я бы с удовольствием поговорил с ним, но вся проблема в том, что он на протяжении долгих десятков лет не появляется на этом берегу.-

– Значит он безгранично доверяет тебе, – поторопилась заверить Ина Водяное чудо. Он долго молча смотрел в глаза Ины.

– Я буду молить звездных богов, чтобы они наделили тебя умом и силой разобраться со всем этим, – загадочно выдал Водяное чудо, отведя, наконец, глаза и тяжело вздохнув.

– Ты как всегда полон загадок, – обиженно протянула Ина. Наставник в который раз не открывает ей всего до конца, тая от нее, несомненно, что-то интересное и важное или это только кажется ей... все равно она ведь не несмышленный ребенок, она вполне состоявшийся Хранитель, признанный всем Гармоничным миром. Водяное чудо вдруг засмеялся громким смехом.

– Что опять не так, – еще больше нахмурилась Ина.

– Ты ведь Хранительница, ты готовый ко всему воин, а губы дуешь, как маленькая девочка, которую я увидел на берегу столько лет назад, – положил руку на ее плечо Водяное чудо, – к сожалению, я не помогу тебе в решении всех загадок твоей жизни, но... возьми вот, – Водяное чудо снял с шеи черный шнурок и протянул его Ине. Узкая витая раковина лежала на его широкой ладони.

– Ведь это... – удивленно подняла на него глаза Ина, мотая головой, твердо намереваясь отказаться от предложенного.

– Да, – уверенно прервал ее Водяное чудо, – да, это дар моего народа, мой оберег для тебя. Теперь вода и твой дом. Эта раковина в воде споет свою песню и ее узнают во всех водах, где бы она не находилась, – закончил Водяное чудо вкладывая шнурок с закрепленной на нем раковиной в ладонь Ины, сжимая ее пальцы, пряча в них оберег и накрывая их своей ладонью с ярко выраженными перепонками, роговицей вздувшимися между пальцами Водяного чуда.

– Это бесценный дар, Водяное чудо, – тихо произнесла Ина.

– Хотел бы я ошибиться, Хранительница, но боюсь, он тебе понадобится, как и все мои уроки, – Водяное чудо внимательно заглянул в глаза Ины и еще крепче сжал ее пальцы с зажатым в них оберегом...

Водяное чудо исчезло в озере, оставив за собой небольшой водоворот. Ину встревожил произошедший разговор. Зоны ответственности двух Хранителей держащих в равновесии Гармоничный мир были определены в начале начал, когда Отец-создатель, Отец-основатель и просто, ее отец пришел в Гармоничный мир и вырвал его из вечного Хаоса. Все просто – король властвует над Гармоничным миром, обучая стражей, обеспечивая его безопасность. Хранители – вершители судеб и держатели закона. И только они выносят на совет короля и почтенных избранных всеми граждан вопросы исполнения закона, где решается возможная участь любого жителя Гармоничного мира, если в этом возникает необходимость и только очень веские доводы должны быть представлены Хранителями, чтобы было принято решение и у жителя отнималась жизненная энергия, оставлялась бездушное материальное воплощение, и он отправлялся на вечное поселение в Запретный лес без права возвращения в Гармоничный мир. Зона ответственности Ины – законы рождения и законы живого мира, в чем ей усердно помогали Смотритель рождения, Смотрители животных и растений. Законы стражей и сбои в выбранных путях приложения физической силы или ума, как это гласит в своде законов, а проще – выбор трудовой деятельности и добросовестное выполнение обязанностей на выбранном пути – это зона ответственности второго Хранителя. Но бывали случаи, когда одному Хранителю было не обойтись без другого, когда точно никто не знал, в какой точке Гармоничного мира находится нарушитель. Тогда один Хранитель приходил на Ковер мироздания, а второй отправлял его в нужное место. Всё просто... на первый взгляд, но...

Последний раз это случилось, когда уже дважды предупрежденный на особенном собрании в присутствии десятка почтенных граждан – представителей селян и горожан со всех концов Гармоничного мира и самого короля Аттала, Бурчащий пахарь все-таки в третий раз впряг в свою повозку рогатого мерина.

– Ты помнишь закон, Бурчащий пахарь, – на всю дворцовую площадь, битком забитую любопытствующими горожанами, тянущими головы, чтобы лучше увидеть редкостное проис-

ходящее и не пропустить каждое сказанное на площади слово в ожидании, чем закончится суд короля, громко объявил король Аттал, – любое живое существо свободно и никому не дано право использовать его в личных целях. Ты без принуждения выбрал путь пахаря – паши своими руками. Ты помнишь, когда здесь на этой площади в присутствии выбранных почтенных граждан и двух Хранителей, – он кивнул в сторону стоящих за его спиной Ины и второго Хранителя – Жабы, – я последний раз делал тебе предупреждение. Я сказал, убей свою леность и трудись честно. В нашем мире труд пахаря достойный труд и благословенная земля не требует твоего пота и крови, круглый год даруя в достаточном количестве растений для твоего пропитания, зачем же лишать свободы живое существо того для того, чтобы утолить твои прихоти. Тем более у тебя нет семьи, – Король подошел к сидящему с довольно отстраненным видом на скамье правосудия Бурчащему пахарю, периодически почесывающему грязными пальцами свою лохматую голову, и ткнул в него указательным пальцем, – ты – незавидный пример для Гармоничного мира. Твоя леность не знает границ. Ты даже ни разу не пришел на ковер мироздания, чтобы создать свой кокон с матильдой и дать начало новой жизни. Может многорукие великаны научат тебя чему-нибудь, и тыгодишься в их мире. Я думаю, почтенные граждане Гармоничного мира, – голос его стал громче, слова зазвучали отчетливей, чтобы донести сказанное до самых последних рядов, – и вы присутствующие здесь добрые люди – простые горожане, Бурчащий пахарь виновен и подлежит превращению в тень и высылке в Запретный лес. – Король Аттал обошел площадь по кругу. Над резными, украшенными золотым орнаментом дверями дворца и далее по обе стороны от них, между массивными колоннами, поддерживающими центральный портик, на него беспристрастно смотрели статуи из белого искрящегося камня – почтенные граждане, ставшие когда-то обретенными сущностями и заслужившими почетное право незримо присутствовать здесь на дворцовой площади, наблюдая за действием глазами своих каменных воплощений, изваянных в накидках почтенных граждан, чуть склонив голову и держа правую руку на сердце. Обруч власти на золотых волосах короля сверкал лунным светом и его благородный вид, гордая осанка могучего, но справедливого владыки внушали уважение и бесконечную веру в его правоту.

– Согласны, – голоса почтенных граждан прозвучали стройно и отчетливо.

– Согласны, – эхом прокатилось по скоплению народа на дворцовой площади, вызывая заметное оживление и шевеление в рядах.

Ина вздохнула.

– Хранительница Ина, – торжественно обратился к ней король Аттал, – я передаю жителя Гармоничного мира в твои руки. Пусть решится воля звездных богов и Отца-создателя! —

Звездные боги, как это ужасно, как тяжело ее бремя. Ну почему только человек может быть Хранителем в этом чудесном Гармоничном мире и делать это... Тогда Ина, скрепя сердце, после суда у короля Аттала забрала у Бурчащего пахаря живую энергию, чем превратила его в тень и лично посадила в лодку, передавая ее Водяному чуду. Она отдала, как предписывает закон, его энергию Гармоничному миру, вливая жизненную силу пахаря в пульсирующие потоки. Его жизненная сила еще послужит населяющим Гармоничный мир, хотя ей было очень жаль пахаря, смотревшего пустыми глазами с застывшим, как у статуи, лицом, но таков закон...

Ина встрепелась, тут же отвлекаясь от так ярко всплывших перед глазами воспоминаний. Пульсирующие потоки стучали в висках, переплетаясь с энергией Смотрителя животных. Ина закрыла глаза, привычно настраивая потоки пульсирующей голубой энергии на эти зовущие пульсации. Открыв глаза уже у Срединной реки, она, наклонив голову, сложила пальцы треугольником, поблагодарив окружающее, и оглянулась.

– Ина, Хранительница Ина, – запыхавшийся худой старик в длинном балахоне из суровой черной ткани подпоясанный простой веревкой, опираясь на старый отполированный его еще крепкими узловатыми пальцами посох из светлого дерева, торопился к ней. Седые волосы под

бисерным разноцветным опояском слегка откидывал ветер, открывая напряженное узкое лицо с глубоко посаженными встревоженными глазами.

– Странный день, – пронеслось в голове Ины, – что еще случилось.-

Смотритель животных был чрезвычайно активен в своих движениях. Что заставило так спешить ей навстречу и так всегда взрывоопасного не по возрасту энергичного и всезнающего старика?

– Хранительница Ина, – возбужденно начал он, еще двигаясь к ней, размахивая своим посохом, – проблема у Свирепого толстобрюха с роговой пластиной на морде, – закончил он, останавливаясь напротив Ины.

– Это который вожак, – уточнила Ина.

– Конечно вожак, – воскликнул Смотритель, – только у вожака такая огромная роговая пластина на морде, у других она вырастает по мере... —

– Простите, Смотритель, – максимально вежливо, но настойчиво перебила его Ина, зная, что придерживаясь политеса ей придется выслушать целую речь в отношении любимых Смотрителем толстобрюхов, да впрочем, как и любой живности населяющей Гармоничный мир, – я помню как растет роговая пластина на морде толстобрюха. Какая же у него проблема, – осторожно вернула Ина старика к теме.

– Он пропал, – выкрикнул взбудораженный Смотритель.

– Как пропал, – не поняла Ина. Свирепый толстобрюх – очень громко сказано для вполне флегматичного и миролюбивого животного. Но и в Гармоничном мире случались казусы и толстобрюхи, покой которых нарушался неосторожным вторжением добывателей тростника на их территории, бывало, выходили из себя. Для этого и существовал Смотритель. Старик был просто одержим безмерной любовью к животным, и мог найти общий язык с любой животиной, но, как всегда, ситуации бывали разные и иногда даже требовали вмешательства Ины, например, как сейчас. Ина пристально всматривалась в тростниковые заросли. Да, всё стадо здесь, самки, подросшие толстобрюхи и все до единого детеныши здесь, а Свирепого нет. Она уже начала волноваться, что могло произойти такого из ряда вон выходящего, что заставило вожака оставить свою семью. Неожиданно в самых дальних зарослях раздался привычный рев и Свирепый собственной персоной своей толстой мордой с роговой пластиной нарисовался, раздвигая огромной тушей густые заросли, ломая ногами-тумбами хрупкий тростник. Стадо замерло, временно, как по команде, перестало жевать тростник и все, от самого маленького толстобрюха до следующего претендента на звание вожака, повернули свои флегматичные морды в сторону ревающего Свирепого, своим ревом подтверждающего законные права на роль вожака стада, словно приветствовали ушедшего по необходимым делам родича, а потом также неторопливо продолжили свое дело, ничем не выражая своего недовольства или удивления в связи с его отсутствием.

– Фу, – выдохнул смотритель, худыми пальцами прикладываясь к груди, сдерживая бие-ние своего разошедшегося сердца.

– Вот видите, а вы паниковали, – впрочем, с явным облегчением произнесла Ина.

– Последнее время он стал чаще пропадать в этих дурацких зарослях, – поторопился объяснить ей успокоенный и даже довольный старик, – но, самое странное, я теряю связь с ним. Во время его пропаж я не слышу его вибраций. Хранительница, боюсь Свирепый болен.-

Ина бросила взгляд на присоединившегося к стаду вожака сорвавшего приличную охапку тростника и флегматично, как все толстобрюхи отрешенно от окружающего мира, перемалывающего ее своими огромными плоскими зубами.

– Да ладно, – пожала плечами Ина, – вы же знаете, если он уходит в глубокий сон, вибрации практически неуловимы. В следующий раз его пропажи зовите меня. Я уж точно разыщу этого ленивца.-

– Какой все-таки Смотритель ответственный, даже трепетный, – подумала Ина, открывая глаза, на дороге к Заветной роще и скрещивая привычно пальцы, чуть склонив голову треугольником у лба в жесте благодарности. Ина посмотрела на солнце. Она могла не спешить. Время созревание плода рождения только началось и Ина, не торопясь двинулась по пыльной дороге проложенной в поле среди зеленой травы ногами жителей из окрестных селений и колесами их тележек, которые этим путем направлялись в столицу обменять плоды своего труда на что-нибудь нужное или просто навестить родственников. Ласковое солнце привычно светило в высоком голубом небе, цвели в зеленой траве простые разноцветные цветы, беззаботность наполнила душу, наполняя ее блаженной негой бытия текущего дня жизни Гармоничного мира.

Заветная роща встретила Ину привычным шелестом листьев. Деревья перешептывались между собой, касаясь друг друга ветвями. Хотя это только казалось Ине, и просто ветер играл в свои игры среди гибких ветвей. Ина шла приметной тропой к центру рощи. Ковер мироздания мерцал черно-белыми светящимися ворсинками, ежесекундно хаотически вспыхивая непонятными мозаиками картинок. Деревья в обычном их понимании здесь заканчивались. В центре голыми, без единого листочка, кряжистыми ветками тянулись к голубому небу черные, как жирная земля на ухоженных грядках в огороде Амы, сильные деревья. Их толстые крепкие ветки необычными мостами перекидывались друг к другу, соединяя в хороводе этот абсолютно безветренный тихий странный лес, словно своей тишиной отсекающий все звуки извне, охраняющий малейшее проникновение ненужного пустого в тот миг, который определен самым ходом планет вселенной, миг зарождения живой энергии, миг рождения новой жизни. Ина с легкостью запрыгнула на самую нижнюю ветку и, прислушиваясь, аккуратно шагнула по мостикам из черных ветвей. Она осторожно перешагивала с одной ветки на другую, иногда задерживая дыхание, прислушиваясь к окружающему. Наконец почти в центре скопления мостиков она оглянулась. Да, она не ошиблась. Характерный звук легкого хлопка повторился. Чуть наклонившись, она осторожно заглянула под один из сводов. Как раз на расстоянии полета стрелы висело, мерцая, что-то похожее на фрукт. Только бы это был не фантом, эти ложные светящиеся пустоцветы утомляли ее. Нужно было все начинать сначала. Прошлый раз Ина бродила по висячим черным мостам почти до темноты, и Смотритель рождения получила насащенное наслаждение, любясь созданием светящегося кокона в ночи. Но Ине было от этого не легче, ей не очень хотелось повторить прошлый опыт и рухнуть без чувств от усталости в свою кровать, когда багровая полоска над горизонтом возвестила о начале наступления нового дня. Ина сосредоточенно, но совершенно спокойно достала из колчана стрелу и, присев на корточки, упершись ногами в ветку, уверенно натянула тетиву лука. Стрела просвистела свой путь, разрезая ножку соединяющую плод с деревом. Ина довольно улыбнулась, видя, как падает плод и, слыша звук его удара о ковер мироздания – значит это не фантом, лопающийся мыльным пузырем с характерным треском, это действительно плод рождения. Ина насторожилась, прислушиваясь, не оборачиваясь. Чужие вибрации проявились очень четко. Странно, тот, кто должен появиться на краю Ковра мироздания, наблюдает за ней, прячась где-то внизу. Ина уверенно поднимается и привычно забрасывает лук на плечо.

– Дай мне плод, – громко говорит она тому, кто прячется в деревьях. Внизу из-за широкого черного ствола появляется молодой парень, одетый в форму стражей. Ина легко перешагивает по мостикам вниз и спрыгивает с нижней ветки. Страж высок. Ине приходится поднимать голову, чтобы разглядеть его. Он, чуть усмехнувшись, с легким поклоном, прямо смотря ей в глаза, преподносит плод.

Ина строга и собрана как всегда в такой момент, но что-то не так. Что-то вдруг смущает ее в этом чуть насмешливом взгляде. Совсем не так смотрят на нее жители Гармоничного мира, оказываясь на ковре мироздания, а этот...

«Что он здесь делает», – напрашивается в голове, – «этот... красавчик», – добавляет вдруг про себя, хмурясь, Ина.

– Плод черный, как сама мать-земля и он готов к рождению, – отгоняя от себя непонятные ощущения, мешающие сосредоточиться в самый ответственный момент, торжественно, строго следуя установленной традиции Хранителя, говорит Ина слова, повторяющиеся каждый раз в момент вручения плода.

– Ну да, первый раз вижу яблоко черного цвета, оно хоть не протухло на лету.-

Ина недоуменно подняла бровь. Может быть она ослышалась или ей почудилось... Вообще-то страж смиренно должен был слушать ее слова с трепетом внимая им. Она помнит других жителей. Одухотворенно-сосредоточенные лица, осмысленно пришедшие на Ковер мироздания, готовые свершить самое важное действие в их жизни – отдать себя в руки другому и принять участие в создании энергетического кокона... А этот... Его ухмылка уже начинает выводить Ину из себя. Она, продолжая древний ритуал, топает ногой. На ковре мироздания хаотические огоньки ускоряют свое движение, приближаясь к ногам Ины, складываясь в яркие черно-белые полосы светящихся дорожек и, наконец, у ее ног вспыхивает очертание единорога.

Значит время пришло.

– Иди, сделай шаги по кругу, зажги Ковер мироздания, выбери свою матильду и вручи ей созревший плод, знак вашего вечного союза, – тем не менее, торжественно объявляет Ина, возвращая плод стражу. Всё, ее миссия закончена, она с легким сердцем может, наконец, уйти с глаз почему-то смущающего ее стража. Она вдруг без особой необходимости поправляет на плече лук и обходит, не сводящего с нее смеющегося взгляда, парня.

– Ты уходишь? —

Вопрос, прозвучавший вслед, заставил застыть на месте. Ина резко обернулась и с недоумением глянула на стража: – моя работа закончена, разве я не буду лишней при рождении светящегося кокона новой жизни? —

С недоумением ушло смущение и уже совсем привычно, без лишних эмоций, она вернулась и направилась к тропинке, которая привела ее к черным деревьям.

– Смотритель рождения присмотрит за вами, – громко добавила она не оборачиваясь, – будь уверенней и все получится.-

«Такой огромный и так волнуется», – пронеслось в ее голове, когда из-за деревьев рощи показался ее маленький белый домик с соломенной крышей на противоположном холме, прямо напротив Заветной рощи. Сразу забылись все странности этого дня. Она так любила свой маленький уютный мир, наполненный мамиными заботами. Аккуратно побеленные Амой глиняные стены и крыша из соломы. За небольшими деревянными лавочками с ажурными резными спинками огромные кусты, сплошь усыпанные благоухающими кистями фиолетовых и белых цветов. Аккуратные клумбы с разнообразными цветами, а за домом небольшой огород, на котором трудится чаще всего Ама, да и Ина в свободное время не прочь покопаться в теплой, пряно пахнущей земле. Сад круглый год приносящий различные плоды. Ина уже совсем в приподнятом настроении спускается в ложбину, перепрыгивает через чистый ручей, бьющий из-под корней больших деревьев с гибкими ветвями, и пересекает зеленый луг с густой мягкой травой. Она, не торопясь, поднимается по другому склону ложбины по тропинке, проходя мимо колючих кустов со сладкой ягодой, посаженных Амой в прошлом сезоне и уже усыпанных созревающими ярко-красными гроздьями. Пройдя еще чуток, огибает угол своего дома.

– Ина, слава звездным богам, я услышала твои вибрации, – у порога дома встречает ее мама. Ина вопросительно смотрит на мать. Глухой балахон – накидка, прячущий даже руки, в такую жару! Красивые еще золотые мамины волосы убраны под белоснежный платок, открывая высокий умный мамин лоб. Она очень красива, ее мама.

– Иди, переоденься – у нас гостя, – говорит ей мать, многозначительно заглядывая в глаза. Ина широко улыбается. Понятно. Раз переодеться – значит в гостях Смотритель растений.

– Я быстро, – говорит она Аме, чмокая ее в щеку.

Смотритель растений – весьма колоритная дама, обычно не делает замечаний, но очень неодобрительно смотрит на Ину, встречая ее в привычном походном наряде.

Лишь один раз она не выдержала и, оглядев строгим взглядом, сверху до низу, появившуюся на пороге дома из очередного похода Ину, как бы ненароком, заметила, обращаясь к Аме.

– Матильды такие жеманницы, только и мечтают о стражах. Мне неудобно стало бывать в городе. Неловко чувствую себя в своем балахоне среди этих модниц в непристойных нарядах выставляющих напоказ свое тело, а особенно хвосты. Уж так гордо они носят их, обвивая им руку, демонстрируя его всем без надобности. Уж столько браслетов со сверкающими разноцветными камнями на них нацепляют и не боятся, что хвосты поотвалятся... – и после многозначительного молчания, поджав губы, строго добавила, – зачем вот Хранительнице такой фривольный стиль, ведь при служебных делах всегда... —

Ина тогда так и замерла с вытянутым от изумления лицом, глядя вслед удаляющейся по дорожке в сад Смотрителю растений, даже не найдя нужных слов для своего оправдания.

– Не обижайся на нее, – улыбнулась тогда Ама, когда они с чашками наполненными горячим напитком из листьев ароматного дерева любовались, устроившись на лавочке, на падающее за Заветную рощу, только начинающее багроветь, солнце.

– Ты же знаешь, это тяжелое бремя, которое добровольно взваливают на свои плечи жители Гармоничного мира. Смотритель навсегда отказывается от права создать искрящийся кокон и вынужден жить свое потомство. И неизвестно, что хуже стать Смотрителем или тенью, у которой имеются хоть призрачные, но перспективы возродиться в Запретном лесу и возможно продолжить там свой род, – красноречиво покосилась мать на Ину.

– Мы не знаем, что происходит с тенями в Запретном лесу, – пробурчала все еще недовольная Ина, – конечно с такой фигурой и внешностью только Смотрителем и быть, и носить совершенно бесформенные вещи, – не выдерживает и язвит она.

Мама выразительно смотрит на нее.

– Осуждение другого – один из смертных грехов, это закон Гармоничного мира. Я не слышала твоих слов, – строго произнесла она...

Ина переодевается в длинный глухой, завязывающийся у самого горла, балахон с капюшоном и выходит в сад за домом. Там некрасивая, с грубыми чертами лица и горбатым большим носом, высокая, крупная Смотритель растений с сердито поджатыми губами в одном из своих бесформенных темных балахонов и шляпе с широкими полями, хмурясь, рассматривает цветы. Да это был не Смотритель животных. Смотритель растений всегда одинаково спокойна. Она даже нерадех-матильд, которые плохо, по ее мнению, ухаживали за обязательным садиком у дома, отчитывала не меня выражения лица и голоса. Вот и сейчас совершенно невозможно было понять, нравится ей то, что она созерцает в саду Амы или это раздражает ее.

– Они красивы, – наконец резюмирует она.

– Мама ухаживает за ними, – после того вечера Ина чувствует себя немного виноватой и старается быть исключительно вежливой и доброжелательной в общении со строгой, но ответственной Смотрителем.

– Молодец, Ама, – широкие поля шляпы довольно кивают вместе с головой Смотрителя растений, – вчера я отчитывала матильду Очарование, – многозначительно смотрит она на внимательно слушающую ее Аму, – ее белые цветы совсем не растут, она их плохо поит и не дает им дышать, не рыхля вокруг землю. Она конечно Очарование, но она так занята своим хвостом в ожидании стража, что это уже пугает меня.-

– Смотритель, – Ама берет ласково под руку колоритную тетку, – у меня зацвел настоящий Голубой цветок.-

– Самый настоящий, – недоверчиво восклицает Смотритель.

Ина улыбается. Смотритель кажется проявила эмоцию – удивление. Еще бы, в Гармоничном мире цветение Голубого цветка – целое событие. Голубой цветок – весьма большая редкость и очень капризен. Ина знала, скольких трудов и хлопот стоило Аме вырастить это растение.

– Самый настоящий, – заверяет Ама Смотрителя, заглядывая ей в глаза, – он там за деревьями с оранжевыми плодами, ему там лучше расти, самые хорошие условия для роста и развития цветка, – объясняет Ама, утаскивая, кивающую полями шляпы в ответ на ее объяснения, Смотрителя. Ина улыбается. Цветы Амы действительно прекрасны, их разноцветные шапочки с множеством лепестков сплошь закрывают землю на квадратной клумбе у дома, обложенной белым искрящимся камнем и от этого смотрятся еще прекрасней.

– Ина, детка, догоняй нас, – звучит уже из глубины сада голос матери.

Зазевавшаяся на разглядывание Ина, торопится вслед. Она делает шаг вперед, отрываясь от изучения клумбы... и тут же застывает, не в силах сдвинуться с места. Еще блуждающая улыбка постепенно исчезает, превращая лицо в маску, на которой лишь взмывают вверх черные ресницы над округлившимися глазами от, моментально поглотившего все ее существо, возмущения, вымывая из сознания все остальные эмоции, только что наполнявшие Ину. Пытаясь адекватно воспринять увиденное, Ина лишь глотает судорожно воздух, не находя нужных сейчас слов.

На миниатюрной скамеечке, на которой Ина так любила беседовать с Амой под звездами, прямо у невысокого порожка перед деревянной дверью ее чистенького белого дома вполне вольготно устроился страж. Он, вытянув длинные ноги в узких черных штанах и опершись могучей спиной на резную спинку скамеечки, грозя просто разрушить хрупкое кружево дерева мощью своего тела, с отстраненным и вполне невинным видом, перебирал узкие лепестки сорванного им по дороге белого цветка.

– Ты что тут делаешь, – только и могла прошептать Ина, почти задышавшись, возмущение ощутимо давило горло, скручивая его в тугой комок, – ты же должен быть сейчас в Заветной роще на Ковре мироздания.-

Внутри горячая волна чуть отпускает, и это буквально срывает Ину от клумбы, у которой, застывшей статуей, охваченная возмущением, она все еще стояла. Ина подлетает к стражу и выхватывает из рук сорванный цветок. И в этом страж нарушил закон Гармоничного мира, сорвав цветок просто так, походя, а не для обмена, лишая своей прихотью гармонию сосуществования живого.

– Да? – словно для него это откровение, вполне искренне, страж удивленно сжимает губы, в его глазах вдруг загорается огонек, а дальнейшие слова основательно загоняют Ину в полнейшее непонимание, усиливая неприятие происходящего, – а я пришел посмотреть на тебя, – и он без малейшего стеснения откровенно с ног до головы осматривает ее. Ину просто потряхивает от пришедшего на замену возмущению ярко выраженного желания подойти поближе и привести в чувство нерадивого стража, совсем крохотной искры голубой пульсирующей энергии будет вполне достаточно...

– В походной одежде ты красивей, чем в этом балахоне, – между тем продолжает злить Ину страж. Он так спокоен, этот развалившийся на скамеечке страж, словно древний обряд встречи с матильдой на Ковре мироздания это не вечный закон, а его нарушение не фатальная катастрофа для стража, да и для всего Гармоничного мира, а так... небольшой пустяк, незаслуживающий даже мимолетного внимания со стороны этого верзилы. А ведь она имеет полное право превратить его в тень, прямо сейчас, у порога своего дома, вот такого, такого... да что ж он постоянно ухмыляется и так на нее смотрит...

Ина, стиснув зубы, молча, берет стоящую у порога маленькую лейку с водой и устанавливает там цветок.

– Что ты делаешь здесь, – четко разделяя слова, снова обращается она к стражу, его непонятные слова совсем не объясняют его непонятного поведения.

– Вообще-то я пришел познакомиться с всемогущей Хранительницей, – невозмутимость произнесенного бреда заставило Ину опять судорожно глотнуть воздух, – честно, там, в роще, я ожидал увидеть старушенцию, ты приятно удивила меня, Хранительница. —

В голову поневоле начали закрадываться мутные мысли. Ина внимательно посмотрела на парня, широко улыбнувшегося в ответ на ее взгляд. Станный страж. Неужели он никогда не видел ее, ее которую знали все жители Гармоничного мира даже в самых его отдаленных уголках. Видимо он давно и очень усиленно обучался военному искусству на самой дальней заставе.

– Ты не боишься жить у рощи одна. У тебя миленький дом, – кивнул страж в сторону ее белого дома, – но до города отсюда путь неблизкий, – сколько же наивности или нет.. глупости в его словах и... нет ну чего он так пристально ее рассматривает.

Станный страж, воистину странный страж. Не знает и того, что для Хранителя расстояние не имеет никакого значения.

– Ты высказал все глупости, – наконец выдает, чуть успокаиваясь, Ина, понимание – время исправить ужасное еще есть, привносит ясности в смущенную происходящим голову, – больше не утруждайся, я не собираюсь их слушать.

В ответ ухмылка кривит лицо наглого стража. Ина собирает все внутренние силы, отбрасывая остатки раздражающего уже возмущения и, как можно строже, как она умеет это делать, выполняя свои обязанности Хранительницы, смотрит на стража взглядом, который действует на любого в Гармоничном мире: – ну, иди же немедленно, – приказывает она, – матильда уже наверняка ждет тебя на Ковре мироздания.-

– Пусть еще немного подождет, – страж был абсолютно спокоен. Инин взгляд не приводил его в чувство, вызывая трепетного почтения, срывая с места для выполнения необходимого, а Инина злость его совсем не трогала, кажется даже наоборот-забавляла. Его красивое лицо не выражало ничего, лишь глаза смотрели на Ину с доброжелательной усмешкой.

– Ну, не злись, Хранительница, – протянул страж, но, наконец, соизволил подняться. Он встал совсем близко, нависая над Иной тренированным телом подготовленного воина, – ты знаешь, а мне приятно быть рядом с тобой, – он вдруг протянул к ней руку, чуть касаясь пальцами ее волос. Ина сердито нахмурилась, необъяснимые глупости продолжались и она, в охватывающем ее вновь раздражении, ударив по его руке, шагнула назад.

– Не понимаю, – уже больше озадаченно воскликнула Ина. Она действительно не могла понять, что сейчас происходит. Такого никогда не было, такого не могло быть и что вообще все это, происходящее сейчас на ее глазах значит. Он что не понимает, что он сейчас творит, этот странный страж, что его ждет, если он немедленно не вернется на ковер или его не пугает перспектива попасть во владения многоруких великанов. Да, похоже, он просто насмехается над ней!

– Может, тебе нужна помощь Смотрителя рождения, – возвращается Ина к мысли об излишнем волнении стража, – я могу поторопить ее.-

– Да нет уж, как-нибудь обойдусь, – откровенно ухмыляется страж. Он отходит от нее на пару шагов, демонстрируя свое наигранное послушание.

– Успокойся, Хранительница, конечно, конечно я прямо сейчас пойду на ковер.-

В подтверждении своих слов он показательно разворачивается и идет к дорожке в рощу. Ина все еще хмурясь смотрит ему вслед. Неужели можно выдохнуть – проблема разрешилась. Но... Пройдя несколько шагов страж вдруг оборачивается. Ухмылка сошла с его лица. Он серьезен и, кажется, даже строг, несколько мгновений он смотрит прямо в ее глаза, а потом

уверенно выдает: – а я ведь буду ждать нашей встречи, Хранительница, надеюсь, она случится и очень скоро.-

Ина ничего не отвечает. Она молча возвращается к небольшому крыльцу, не заботясь о том, что происходит за ее спиной, берет в руки оставленную ею на пороге дома маленькую леечку с белым цветком и... застывает, внимательно рассматривая и совсем не видя белые лепестки, прислушиваясь к чему-то глубинному, которое вдруг непонятной тревогой, щемящей тоской, так ощутимо остро, прошлось по ее душе, царапая самые глубины ее существа, заставляя вдруг дрогнуть, сбивая привычный ритм всегда пульсирующей вокруг нее энергии, и стало так непривычно холодно, словно в жаркий дверь открылась дверь старого заброшенного погреба, и из глубин земель дохнул на нее затхлый воздух ненужного уже никому ледника. Что произошло в необозримых глубинах вселенной, что изменило привычный ход времени, что за событие нарушило баланс, лишая равновесия душу, внося непривычное волнение в обыденный день, движущийся заведенным, неизменным всегда порядком, такого никогда не было. Она вдруг поднимает голову и смотрит вслед шагающему по тропинке к Заветной роще стражу. Матильда, которую он выбрал, будет довольна. Страж идеален. Сильное тело, идеальное даже для Гармоничного мира. Густые светлые волосы копной лежат ниже плеч, скрывая целиком, растущий из ямочки на затылке, хвост. Ина вспомнила его большие зеленые глаза и узкие губы, чуть поднятые в усмешке, когда он говорил с ней... Да, наверное, всё просто – она давно не общалась со стражами. Они были редки в последнее время на Ковре мироздания. Аттал загонял их. Стражи... Что-то опять смутило ее, и она пристально глянула вслед теряющейся за холмом по дороге к роще высокой широкоплечей фигуре стража. Что-то напрягло ее в раскованности его движений, его легкости и такой ярко чувствующейся независимости в общении с ней – Хранительницей!.. непочтительности обращения ...и вообще, полной... расхлябанности, наконец, нашла Ина правильное выражение.

– Ина, дитя, твоя клумба идеальна, – Смотритель растений требовала к себе внимания. Ина еще раз глянула на Заветную рощу, куда ушел странный страж и, решительно выбросив из головы, тревожащие ее мысли, умчалась в сад...

Длинный наполненный странными событиями день закончился и долгий теплый вечер, напоенных пряными ароматами цветов сумерек, плавно перешел в несущую заметную свежесть ночь. Слава звездным богам, смущающих душу событий, так ощутимо трогающих привычную ткань ласкового дня, вечер не принес.

– Мама, а что для вас был Гармоничный мир? Для отца, для тебя, – Ина любила долгие откровенные разговоры с матерью под дрожащими голубыми звездами начавшейся ночи.

– Просто Гармоничный мир, просто гармония окружающей обыденности каждого дня, – спокойно отвечала Ама, прислушиваясь к пению ночных насекомых, переливчатыми звуками и потрескиванием наполняющими теплоту ночи.

– Но вы же люди, не матильды, не жители, это не ваш мир, – уточнила Ина.

– А ты об этом... Но именно потому, что мы люди, он и есть наш тоже, – улыбнулась ей Ама.

– Да, да, да, – тут же перебивает ее Ина, – основной постулат мироздания – в Гармоничном мире пользоваться энергией, на которой зиждется сам Гармоничный мир, могут только люди, но не рожденные жители этого мира. Это я знаю, а как же второй Хранитель? —

– Закон гласит, девочка, человек может добровольно передать свой дар особенному, рожденному в Гармоничном мире, ты же знаешь.-

– Знаю и это я знаю, но... значит Жаба особенный, раз король Аттал принял такое решение, – в глазах Ины светилось упрямство, а в голосе так явно слышалось сомнение.

– Чего ты задалась таким вопросом, – Ама удивленно взглянула на дочь, никогда раньше ничего подобного она не слышала, – значит так, именно так, особенный и нет никаких причин не доверять выбору короля Аттала. —

– Ага, особенный, и чем он особенный, – все-таки бурчит чем-то недовольная Ина, под насмешливым взглядом Амы, – но почему вы и почему Гармоничный мир? – пробурчавшись, Ина опять набрасывается на мать.

– Девочка, откуда сегодня столько вопросов, – Ама даже развернулась к Ине, внимательно вглядываясь в ее лицо, – ты раньше принимала все как есть, что тебя сегодня встревожило! —

– Ничего, – опять буркнула Ина. Она сама не понимала, почему рождаются эти вопросы, почему вдруг нарушился душевный покой, и ей захотелось узнать нечто большее, чем ее жизнь в ритме Гармоничного мира. Может это непривычное ощущение холода, непонятной шемящей тоски оставило след в ее душе или слова Водяного чуда, а скорей и то и другое: – мама, просто ответь мне и всё, – постаралась Ина отвлечься от смутных ощущений и улыбнулась матери.

– Звездные боги так решили и перенесли нас именно сюда, а не куда-то еще, даруя нам именно этот мир. Так решила вселенная на тот момент. Мы не просили конкретно этого, – Ама широким жестом обвела вокруг себя рукой, словно показывая Ине весь Гармоничный мир, – мы просто приняли это. Здесь таков закон – человек становится Хранителем, видимо на тот момент Гармоничному миру требовались новые силы, и появился Отец-основатель, Отец-создатель, твой отец и Хранители – я и Аттал.-

– Нет, но король Аттал, зачем он все-таки передал свою силу Жабе, он мог остаться Хранителем, королем мог бы быть любой житель, а можно было и вообще без короля, – раздражённо произнесла последнее Ина.

– Ты сегодня чересчур любопытна, – уже смеялась Ама, – наверное, ему интересней заниматься стражами, а не быть Хранителем, как ты или Жаба и как... без общего правителя нельзя.-

– Все равно ничего не понимаю. Неужели власть в Гармоничном мире, пусть такая безграничная, как у Аттала, привлекательней, чем служение потокам голубой энергии. Не понимаю. Зачем вообще здесь Аттал, зачем отец вытащил его из мира людей. Он такой... такой непонятный.-

– Аттал был не просто другом твоего отца, Отца —основателя, духовного основателя, он верный его последователь, он его апостол, и он взвалил на свои плечи тяжелую ношу – быть правителем, королем огромного мира, охранителем созданного твоим отцом. Они вместе изучали Запретный лес и граничные земли в самом начале, когда здесь еще правил Великий Хаос. Тогда сразу по прибытию сюда собрались представители всех народов граничных земель, чтобы приветствовать посланника звездных богов, но не все было гладко. Очень не просто было начать сначала Гармоничный мир, не все соглашались принять законы гармонии, законы нового Гармоничного мира, но Звездные боги вели твоего отца, до самого конца..., – Ама тяжело вздохнула. Ина положила руку на ее ладонь и чуть пожала, поддерживая ее в нелегких воспоминаниях. Ама благодарно улыбнулась в ответ и твердо продолжила: – Аттал и Жаба честно ждали твоей готовности стать Хранительницей, не преступая закона и, слава звездным богам, за это время в Гармоничном мире не произошло ничего, что требовало бы вмешательства обоих Хранителей.-

– Не знаю, – буркнула Ина, – Водяное чудо говорит, что теней было много, когда я не была Хранителем, Аттал не жалел молодых жителей, отправляя в Запретный лес.-

– Да, он человек и может иногда быть суров, тени не лишаются жизни и Запретный лес – это тоже свой мир. Твой отец был тверд в своих целях и постепенно, шаг за шагом, Гармоничный мир покидал хаос, и Аттал во всем помогал ему, создавая стражей, создавая защиту Гармоничного мира, с которой считаются жители граничных земель по древнему договору с ними. Он ведь так хорошо разбирается во всем этом сложном, чего нам совершенно не понять. Только он вовремя замечает, что молодой житель готов стать стражем и делает его таковым. Ты же

знаешь, какой бедой может обернуться, если вовремя не направить выплеск дурной энергии молодого жителя.-

– Я не знаю, это говорит Аттал.-

Ама с некоторой укоризной взглянула в глаза дочери, в которых не прятались ни недоверие, ни упрямство.

– А ты разве сомневаешься. Так было всегда. Ладно, – бросила Ама вставая, – пошли спать, дорогая, хватит на сегодня вопросов, – она наклонилась и нежно поцеловала Ину в лоб. Полоски лунного света пробивались через маленькие окна наполовину закрытые белыми занавесками, освещая тусклым светом жилую половину маленького уютного домика. Мама, закрыв дверь поплотней, чтобы не было ночного сквозняка, зажгла свечу на столе у окна и подошла к своей кровати, начиная приготовления ко сну. Ина, откинув пестрое покрывало, вдруг опустилась на его край.

– Мама, а как вы появились в мире людей? —

Слова Ины заставили Аму задуматься, и она замерла, вспоминая, так и держа в руках подушку, которую она готовилась уложить в изголовье.

– Мы прибыли в мир людей отроками, и я совсем ничего не помню. Только павшего перед нами ниц Настоятеля, который называл нас так смешно – ангелами. Он привел нас в свой дом. Несколько лет мы жили в его доме, помогали по хозяйству, – Ама улыбнулась, – у нас было много друзей, навещавших нас, Аттал, открыв рот, слушал откровения твоего отца приходящие ему прямо от Звездных богов, а потом мы выросли, и пришла беда... Тогда мы передали желание Вселенной и она услышала нас... —

– Целая вселенная, – с сомнением перебила ее воспоминания Ина.

– Да, – улыбнулась ей Ама, оборачиваясь с подушкой в руках, – да, тогда в бездонной пустоте и вечном молчании было слово тихое, как эхо, но громкое, такое громкое, что его услышала вся Вселенная, и мир изменился, рождая гармонию, место будущего Гармоничного мира. Слово, которое, несомненно, породилось нашим желанием... —

– Как это, – искренне удивилась Ина.

– Когда-нибудь ты, возможно, поймешь, а может твое желание разбудит слово и возродятся новые миры, – улыбнулась ей Ама, укладывая подушку, а потом выпрямилась и продолжила, – так мы оказались здесь. Звездные боги открыли твоему отцу Ковер мироздания, и после нашего прихода он запечатал его и сделал его служащим Гармоничному миру. Только один раз ковер мироздания был открыт, когда твой отец приводил в Гармоничный мир из мира людей короля Аттала. Как же далеки те дни, столько лун сменилось на небе, – вдруг выдохнула Ама.

Ина взяла с низкого столика стоящего в изголовье ее узкой кровати деревянный гребешок и тронула им густые золотые волосы. Ама тяжело опустилась на свое ложе. Долго и внимательно смотрела она на занятую своими мыслями дочь. Скользил плавно по золотым волосам юной Хранительницы деревянный гребешок и такой печалью и тревогой вдруг накрыло глаза Амы, наполняя их дрожащим маревом набежавших еле сдерживаемых слез.

– Мама, ты чего, – заметила ее взгляд Ина, – тебе плохо, – встревоженно бросилась она к матери. Слишком часто последнее время, с тяжелым вздохом прижимая к груди руку, разгибалась Ама над грядками, покрывала лицо внезапная бледность, учащая дыхание, заставляя ее все чаще садиться на ажурные лавочки в тени кустов с сиреневыми цветами. Ама нежно погладила присевшую рядом Ину по щеке.

– Если бы отец был с нами, у тебя бы была другая жизнь. Хранитель – тяжелое бремя – быть законом, отнимать жизненную энергию и превращать жителей в теней.-

Глаза Ины потемнели и Ама прочитала в них нескрытую обиду.

– Мама, почему отец оставил нас и ушел в долгий путь. Поиск ему был важнее, чем мы с тобой? —

Ама резко закачала головой.

– Он выбрал этот путь и не нам винить его, – мама стряхнула с себя мучившие ее мысли и ее глаза заблестели привычным блеском решительной Амы, готовой справиться с любыми трудностями и защитить, если нужно, свое единственное дитя. Она внимательно посмотрела на Ину, сколько тепла и любви было в этом взгляде, свою маленькую девочку видела сейчас Ама, а потом решение и твердая уверенность – нет, перед ней Хранительница и ей нужны силы, а не сожаления, – видимо пришло время познать тебе все до конца, а мне открыть все сокрытое ранее, – слова уже прозвучали твердо, а глаза Амы заставляли Ину внимательно слушать и слышать сказанное, – и то в чем видел основной смысл служения Хранителя твой отец, что и делает человека Хранителем. Помни одно – его выбор был тверд – служение звездным богам. —

Голос Амы строг, и уверенность произнесенных слов, закрепленной печатью, так осознанно и гармонично складывала их в душе Ины, как-будто внутренне она уже и сама понимала истинное свое предназначение, но дальнейшее услышанное еще было непонятно.

– Он сделал все, чтобы в этот мир не проникло другое служение – служение звездным демонам.-

– О чем ты, мама, – Ина была искренне удивлена.

Ама чуть призадумалась и, словно решившись, уверенно взяла Ину за руку.

– Это разговор не для Гармоничного мира, здесь давно этого нет и даже говорить про это в Гармоничном мире не принято, ты про это, слава звездным богам и не слышала, но... Запомни одно. У человека всегда есть выбор и этот выбор порой тяжел, а порой слишком легкий. Выбор данный каждому и только ему единолично, понять и признать, признать самому себе, не для кого-то, только себе – какой стороне ты служишь... И еще, не верь демону, ни говорящему с тобой, ни говорящему в тебе. Демон всегда лжет, даже если он говорит правду, она нужна ему для своих целей.-

– Каких, – нахмурилась Ина, голос Амы и ее уверенность в своей правоте заставляли Ину безоговорочно поверить таким странным словам, но словам ее мамы.

– У него одна цель – посеять зерна тьмы и ввергнуть любой мир в хаос. Избавление от него – именно этого добился твой отец, создавая Гармоничный мир, шаг за шагом изгоняя из него Великий Хаос.-

– Порок – это демон, мама? – Ина, кажется, поняла, о чем говорила ей сейчас Ама.

– Демон, – уверенно кивнула головой Ама, – но с ним тебе легко справиться, а вот с другим демоном... – она на мгновение задумалась и тихо произнесла, – демоном жажды... —

– О чем ты, – встревожилась Ина.

Ама вдруг улыбнулась и стала опять просто мамой, привычно заботливой и всегда готовой нежно поцеловать свою девочку, дотронувшись губами золотых волос.

– Нет, ты все-таки в Гармоничном мире Ина, зачем тебе эти сказки на ночь, – чуть пожала ее ладонь мама.

– А если мне придется столкнуться с этим, – не унималась Ина.

– Ты справишься, дорогая, – ласково коснулась пальцами ее волос Ама, – я уверена в тебе... —

Ина проснулась среди ночи. В другом углу комнаты слышалось ровное дыхание спящей глубоким сном Амы. Ина повернула голову. Над короткой белой занавеской, закрывающей нижнюю половинку окна, украшенных каймой из белых кружев связанных руками заботливой Амы, чернел кусочек ночного неба с капельками дрожащих голубых звезд. Ина смотрела на самую яркую звезду. Какое-то непонятное чувство навалилось, не давая забыться и снова уйти в сон, нет, оно не походило на дневное предчувствие, ледяными тисками сдавившими на мгновение душу... да, была щемящая тоска и, в тоже время, что-то переворачивало, будоражило душу, какое-то предчувствие чего-то нового, таинственного, опасного и одновременно

завораживающе необычного, такого пока непонятного, но уже, такого желанного, нахлынуло на нее. Она вспомнила сегодняшнего стража. А как это бывает у людей? Она никогда не задавалась этим вопросом. Создание кокона в Гармоничном мире – действие двоих. Хотя Смотритель рождения находится рядом. Мало ли что, вдруг у Матильды не хватит терпения довести до ума светящийся кокон, у нетерпеливых и такое бывает. Приходится Смотрителю рождения возвращать торопыгу на ковер мироздания, к счастью, всё же это большая редкость.

– Феерично, феерично, – заламывая руки, вещала Ине худенькая, с большими глазами Смотритель рождения, – необыкновенно красиво, как рождение новой звезды, когда из хвостиков матильды и жителя Гармоничного мира разноцветными струйками вытекают мерцающие потоки энергии рождения. Они, переплетаясь в одну нитку, начинают сворачиваться в кокон, искрясь на черной ветке. Особенно это романтично на фоне ночного неба... Конечно сидеть на коленях в это время спиной друг к другу часами и читать специальные изречения, это реально утомительно... Но какая награда ожидает их за это. Стать семьей до конца отмеренного пути и раз в двести лет своей жизни получить маленькое хвостатое чудо – новенькую матильду или жителя! И потерпеть-то всего два раза за тысячелетнюю жизнь. Меня просто выводят из равновесия те матильды, которые даже не следят потом, хорошо ли держится кокон на ветках черного дерева. Нет, правда, Хранительница, – Смотритель рождения делает строгое лицо, сводя брови, – я бы парочку таких неинтересующихся превратила для остротки в тени. –

– Не будь кровожадной, – пошутила тогда Ина...

Да уж, с этой матильдой, что выберет сегодняшний страж, подобного не случится. Она уж точно позаботится произвести впечатление и привязать покрепче такого красавца...

Звезда мерцала, и постепенно свет ее таял, уходя, растворяясь в светлеющем небе предрассветного времени. Ина уже устала в тщетных попытках все-таки понять, что сейчас мучает ее, разобраться с тем, какие загадочные предчувствия и чего-же зовущего, неудержимо властно проникают в ее душу. Что за новые волны, вдруг совсем изменившегося мироощущения овладевают ею.

– Чему быть, тому быть, – тихо прошептала Ина, отворачиваясь от окна и накрываясь с головой одеялом. Нужно еще успеть поспать до часа яркой зари – новый день может принести новые проблемы.

Ина даже не догадывалась, как точны были ее последние мысли перед уходом в предрассветный сон. Они с Амой только разместились за маленьким прямоугольным столом, стоящим прямо напротив небольшого окна в сад. Яркий букет ароматов разнотравья источали заполненные напитком круглые чашки, из которых неторопливо маленькими глотками они отпивали горячий напиток, наблюдая, как маленькие разноцветные птички снуют среди деревьев сада.

– По-моему, его уже пора белить, – кивнула Ама в сторону большого очага. Он занимал почти треть второй половины дома, предназначенной для приготовления и приема пищи, вдоль стен, которой висели полки, заставленные глиняными, искусно разрисованными большими разноцветными цветами, плошками, мисками и горшками разнообразной формы. Очаг располагался в самом центре комнаты в каменном кожухе и широкой трубой уходил в отверстие в соломенной крыше. Ина только собралась ответить Аме.

– Хранительница Ина, это неслыханно! —

Они одновременно обернулись на дверь, из-за которой разносились крики. Не просто крики, истеричные вопли, попеременно с громкими судорожными рыданиями. Кто-то громко хлопает дверью в другую половину дома, явно разыскивая Ину, и, наконец, дверь резко открывается и, совершенно зареванная и разобиженная матильда Очарование влетает в комнату, бросаясь в объятия уже спешащей ей навстречу Ине, обнимая ее за шею и заходясь в нервных рыданиях на ее плече. Ина слегка отстраняет матильду, с удивлением заглядывая в прекрасные огромные глаза в обрамление вспархивающих длинных ресниц-бабочек, с которых густыми черными реками, оставляя дорожки на щеках, стекала черная краска.

– Как ты, – чмокает ее, чуть касаясь щеки губами слегка озадаченная Ина, – у тебя такой красивый хвостик, – она бережно берет в руки тонкий хвостик матильды, растущий из ямочки на самом затылке, и, который брошенный хозяйкой, не лежал аккуратной тонкой змейкой на руке украшенный вызывающе ярким браслетом, а болтался бесхозно вдоль спины явно взбудораженной чем-то хозяйки.

– Он скоро отсохнет, – взывает матильда, опять припадая к плечу Ина, сотрясаясь всем телом в усиливающихся рыданиях.

– Я двести лет лелеяла свой хвостик и мне опять ждать двести лет! Хранительница, я требую возмездия, – взывает, прерывая свои рыдания судорожными всхлипами, матильда Очарование.

– Ну, ну, дорогая, – гладит Ина рукой по спине рыдающую матильду, ласковыми движениями пытаюсь успокоить ее и, тут же вся холодеет от пронзающего понимания, верности своей уже зародившейся, сразу же, при виде нарисовавшейся в дверях зареванной матильды, догадки, еще шевелящейся в душе сомнением, но теперь... Вспышкой, ярким озарением до нее доходит смысл и кошмар произошедшего.

– Он не пришел на ковер мироздания, – не спрашивает, утверждает Ина, заглядывая в лицо матильды, чуть отстранившись от нее.

Матильда кивает, смотря на Ину глазами, в которых плескалось море вселенской обиды.

– И Смотритель рождения этому свидетель. Я потратила треть дня, чтобы прибыть на ковер мироздания, когда слышала зовущие меня вибрации энергии, а потом до рассвета тщетно ждала, и мои иллюзии развеялись, как утренний туман над Срединной рекой прохладным утром под первыми лучами встающего солнца, – опять захлопала матильда Очарование.

– Тебе нужно в город к королю Атталу, – тихо произнесла Ама, молча наблюдающая за происходящим.

Да, Ама была права. Ине придется разыскать этого стража. Разыскать, где бы он ни находился в Гармоничном мире... и наказать.

Глава 2

Вспышка голубой молнии пульсирующей энергии привычно перенесла Ину к высоким стенам города Стражей – столицы Гармоничного мира. Конечно, можно было перенестись непосредственно в замок короля, но Ина давно не была в городе.

– Сегодня обменный день, – напомнила ей Ама перед дорогой, – мне нужен еще один горшок под новые цветы. После всех дел зайди к жителю, выбравшему путь делать горшки для цветов. И не забудь, мне нужен зеленый, с синей каймой. Сиреневые цветы хорошо растут в гармонии с этими расцветками.-

– Непременно, – ответила Ина, поправляя на плече лук и чмокая Аму в щеку, – заодно и по городу прогуляюсь, может, что нового узнаю.-

«Зачем городу Стражей такие высокие стены», – в который раз отметила про себя Ина, поднимая голову, разглядывая возвышающиеся над ней желтые стены, заканчивавшиеся резными выступами камня. Ее, привыкшая к простору одинокого жилища среди цветущих садов, душа упрямо отвергала величие большого города.

– Я король целого мира, – улыбался Аттал на укоризненное покачивание головой Амы, когда он знакомил их при последнем посещении с возведением нескольких городских зданий из желтого песчаника и этой стены, опоясавшей город с трех сторон, оставляя открытой только берег широкой полноводной Срединной реки.

– У тебя много добровольных строителей, – кивнула Ама в сторону работающих с упорством муравья внушительного количества снующих на возводимых стенах жителей,

– если учесть, что Гармоничный мир не такая уж густонаселенная местность.-

– Ну что ты, Ама, у меня нет никакого желания отвлекать от своих прямых обязанностей пахарей. Я не желаю своему миру голодный период. Это всего лишь одна из разновидностей обязательной тренировки и подготовки стражей. Периодическая замена маршей на плацу, – с весьма довольным видом, не отрываясь от наблюдения за кипевшей перед ними работой, отзывается Аттал.

Ама поворачивает голову и красноречиво смотрит на короля.

– Нет, нет, нет, – не дожидается он вопроса, чувствуя ее взгляд, поворачивается к ней,

– конечно всё добровольно.-

– Я не об этом, король Аттал, я верю в усердие и отзывчивость жителей Гармоничного мира, зачем тебе столько стражей! —

Ама строга. Лицо короля Аттала моментально изменилось. Дружелюбие сменилось твердой решимостью, в глазах мелькнуло тенью нечто, заставившее Ину удивленно глянуть на него. Ина не знала, как называется то, что она увидела в его глазах, но добрым оно не было точно.

– Прости, Ама, но я не хочу возвращаться к изначальному спору. Я так решил... —

Да, давно Ина не была у короля. Город стражей действительно прекрасен. Даже отсюда видно, как лесенкой убегают белые крыши домов из искрящегося под ярким солнцем белого камня по поднимающемуся вверх холму вдоль реки, теряясь в густой зелени многочисленных садов, спасающих горожан от яркого солнца. А на самой вершине ажурными башенками тянулся высь дворец, уверенно и вполне гармонично заканчивая тело города – резиденция короля Аттала.

Высокие ворота в город открыты. На черном металле массивных створок играют на солнце крупные звезды из желтого металла.

– О, звездные боги, – звучит в голове восклицание Амы, – и здесь не обошлось без золота.-

С двух сторон у ворот стоят рослые стражи с невозмутимыми лицами в своих черных длинных куртках из грубой плотной ткани. Короткие рукава не скрывают накаченной, вздув-

шейся буграми плоти рук воинов. Узкие штаны из той же ткани плотно стянуты внизу тесемками, которые крепятся на деревянных подошвах сандалий. Деревянные круглые щиты блестят на солнце металлическими острыми ободками, и длинные копья добавляют воинственности недвижимым фигурам. Белоснежные шарфы закрывают голову стражей от палящего солнца, обматывают шею и свободными концами падают на грудь, эффектно контрастируя с черной одеждой. Смотрящие куда-то вдаль глаза над головами проходящих мимо них жителей, такая же неотъемлемая часть стражей, как и их специальные одеяния.

– До чего ж Аттал любит всю эту атрибутику королевской власти, – опять всплыли слова Амы.

– В принципе красиво, – возразила тогда ей Ина.

– И вызывает трепет у населения, – недовольно буркнула Ама, – почитание, безусловное почитание, он никогда не откажется от пороков людского мира, – тихо, но твердо подытожила она.

Уже у ворот начинается движение. Босые жители и матильды – население окрестных селений и, вышедшие с появлением солнца в небе, селяне из дальних земель Гармоничного мира, сплошным потоком движутся в город. Пыль дорог и мягкая трава приятно щекочат ноги, отдавая свою энергию живущим на просторах Гармоничного мира. Сосредоточенно толкают свои повозки жители, нагруженные добром для обмена. На головах матильды несут корзины с благоухающими цветами из своих садов, которые потом и обменивают на разные штучки. Некоторые при этом тащит за руки своих подростков, любопытных, вертящих в разные стороны разноцветными головами отпрысков, некоторые везут в повозках еще совсем маленьких, недавно рожденных из искрящегося кокона в черной роще малышей. Те, которые чуть постарше, но не менее любопытные, уже сидят в повозках, активно глаза по сторонам. Ина вливается в этот упорядоченный поток обменного дня.

– Хранительница Ина, приветствую тебя! —

– Хранительница, доброй тебе дороги! —

– Светлого дня! —

– Радости! —

Ей постоянно приходится прикладывать руку груди в приветственном жесте. Ее все знают, и жители, и матильды. Она улыбается каждому в ответ на открытые улыбки, посылающие ей импульс тепла и искреннего уважения. Разве может быть иначе, разве есть причины в Гармоничном мире смотреть свысока на другого. Только понимание и только уважительное внимание, идущие от самого сердца.

Сразу за воротами уже многолюдно. Слышится разноголосие жителей Гармоничного мира. Здесь, почти у самой реки, начинается Обменная площадь, заставленная многочисленными рядами павильонов с разноцветными крышами и стенками из плотной материи, в них предлагаются для обмена разнообразные изделия мастеровых и пахарей и, конечно, выполненные умелыми ловкими руками матильд, которые как шутят горожане, уже достаются из кокона с иголкой для шитья в руках. Ина проходит мимо чаши фонтана. Тугие струи прозрачной воды взлетают ввысь, их края, рассыпаясь мириадами искрящихся на солнце брызг, одаривают проходящих мимо приятной прохладой и падают звонкими струями пронизанной солнцем воды. Вся резная сверкающая под ярким солнцем чаша фонтана наполнена прозрачной прохладной водой, в которой хлюпаются, громко смеясь и лопоча разновозрастные матильды и жители, развлекаясь пока их родители заняты вполне серьезным делом – обменом. А дальше... надо же! Через равные промежутки в три павильона белокаменные резные чаши маленьких фонтанов, из которых, от центральной струи, бьющей на небольшое расстояние вверх, разлетаются кругом туманом мельчайшие брызги, покрывая вокруг резных чаш темными влажными пятнами пыльные каменные плиты Обменной площади, прогретые жарким солнцем Гармоничного мира.

«Интересное новшество на Обменной площади», – не преминула отметить нововведение Ина. Король заботится о приятности проведения времени горожан.

– Хранительница Ина, приветствую тебя! —

Ина обернулась на раздавшийся так неожиданно за спиной голос. В повозке, остановившейся рядом с Иной, накрытой малиновым балдахином украшенным блестящими кисточками из золоченых нитей, чуть склонив голову и прижимая руку к груди, сидел один из почтенных граждан. Ярко желтый балахон, скрывающий худощавую фигуру с шеи до пят, застегнутый на плече заколкой усыпанной разноцветными прозрачными камнями, говорил о том, что почтенный гражданин направляется куда-то по делам службы.

– Приветствую тебя, почтенный гражданин, – ответила Ина тем же жестом приветствия.

– Как дела у Амы, – добродушно улыбаясь, поинтересовался почтенный гражданин, – неужели правда, что сказала мне Смотритель растений, Ама вырастила голубой цветок? – его лицо светилось искренним восхищением.

– Да, это правда, – подтвердила Ина, – и он прекрасен.-

– Тогда я сразу напрашиваюсь на посещение вашего одинокого жилища, если не буду в тягость, – продолжался любезный разговор.

– Ну что вы, почтенный гражданин, – Ина была искренне радушна, – Ама будет очень рада принять такого уважаемого всеми жителя, как вы. Я сразу же по возвращении сообщу ей это приятное известие.-

– Хранительница, ты, наверное, не в курсе, – голос почтенного гражданина наполнили нотки озабоченности, его лицо нахмурилось, – у нас опять неприятный случай. Я как раз спешу проследить за точностью выполнения вчерашнего решения суда короля, – возбужденно произнес почтенный гражданин.

– Король уже сам выносит решения, – так, между прочим, задала вопрос Ина.

– Да дело, в общем-то, не важное. Всего лишь выплеск дурной энергии у не достигшего совершеннолетия жителя. Король собрал нескольких почтенных граждан, живущих в городе и мы поддержали его решение, не найдя серьезных нарушений в процедуре... А вот и процессия, – почтенный гражданин даже чуть привстал с сиденья, внимательно разглядывая приближающуюся со стороны резиденции короля процессию. Отрывисто застучали барабаны. Ина чуть приподняла голову, чтобы за головами занятых обменом получше рассмотреть происходящее. Еще один продуманный королем Атталом ритуал. Впереди процессии шел в белых одеждах раскаяния нарушитель. Рослые стражи шли чуть поодаль от него, ударяя в определенном ритме в большие круглые барабаны. Процессия медленно двигалась через Обменную площадь. Замолкали разговоры, жители и матильды расступались, пропуская процессию, смотря неодобрительно и даже строго вслед. Процессия остановилась у городских ворот. Стражи, сложив палочки, в полном молчании встали с двух сторон от нарушителя. Один поднял табличку, держа ее на уровне груди. «Житель ударил доброго соседа, нарушил закон гармоничного сосуществования», – гласила табличка, прописанная крупными черными буквами на белом фоне. Нарушитель – совсем юный и худощавый по сравнению с крепкими высокими стражами, стоял, сложив руки на груди, в позе прощения и наклонив голову – опущенный в покаянии взгляд, это тоже входило в прописанный ритуал. Входящие селяне проходили мимо и недовольно качали головами.

– Ему должно быть очень стыдно, – тихо произнес почтенный гражданин, чуть склонившись к Ине, – позор, просто позор, – добавил он еще через мгновение. Ина даже не повернула головы в ответ на его замечание.

Неожиданно, не обращая внимания на изумленный взгляд почтенного гражданина, она срывается с места и подходит к молодому жителю. Стражи узнают ее и не препятствуют. Она подходит вплотную к нарушителю.

– Посмотри на меня, – спокойно просит Ина.

Нарушитель поднимает глаза и робко смотрит на всемогущую Хранительницу.

– За что ты ударил доброго соседа, – спрашивает Ина. Вообще —то, этот вопрос она должна была задать на вчерашнем суде, но король Аттал решил всё сам, первый раз... первый ли...

– Он стер ногой, нарисованную мной картину на песке, а я долго трудился над ней и хотел показать своей матери, – голос юного нарушителя был тих и печален.

– Он поступил так по неосторожности? – продолжала спокойно свою работу Ина. В глазах нарушителя вдруг пропала робость, и мелькнул огонек уверенной правоты.

– Он сделал это специально. Он почтенный гражданин и сказал, что уж он-то точно знает – в Гармоничном мире много оболтусов – мастеров изображения, а мир меняется и ему нужны стражи.-

Ина молчала, глядя в лицо молодого нарушителя. Странное заявление почтенного гражданина. Что пропустила Ина, отсутствуя так долго в столице.

– Я не ударил его, – тихо произнес нарушитель, – но я хотел это сделать, я кинулся к нему, но не смог, не смог даже шевельнуть рукой. На следующий день он заявил на меня королю.-

Ина внимательно смотрела в глаза нарушителя. Энергия, кружащая вокруг молодого жителя, не нарушила обычной пульсации. Он не лгал. Она поэтому и Хранительница, призванная звездными богами в Гармоничный мир, чтобы разбираться в таких вещах. Неужели опять, то о чем она только слышала от Амы, когда получала от нее знания, то, что канула в небытие с остатками изгнанного Хаоса – лжесвидетельствование и пустое обвинение. Ина чуть сжала губы, останавливая поток мыслей, чтобы не торопиться с выводами и главное не допустить смятения в душу. Она лишь разрешила себе сформулировать один вопрос – что происходит с Гармоничным миром, что проникает в его гармонию, меняя сознание?

– Ты выбрал уже свой путь? – все те же ровным голосом продолжила опрос нарушителя Ина.

Нарушитель согласно мотнул головой.

– Я не хотел быть мастером изображения, я хотел бы быть пахарем, – твердо ответил он, – но теперь... – он со вздохом безысходности опять опустил глаза, устремляя взгляд на пыльные плиты Обменной площади. Вопросов больше не было, и Ина возвращается к повозке.

– Я надеюсь, дальнейшая его судьба известна, – обращается она к почтенному гражданину, с усердием выглядывающему из повозки, фиксируя малейшие детали выполнения ритуала.

– Конечно, – не скрывая удивления, глянул на нее почтенный гражданин, и как нечто разумеющееся, добавил, – он будет стражем и подвергнут жесткому обучающему курсу.-

Ина в полном молчании наблюдала, как почтенный гражданин ставит галочки на листе обязательного протокола, который он достал из лежащей рядом на узкой скамеечки повозки тканой сумки. Ее даже не поставили в известность. Вряд ли бы она дала согласие на данное действие – житель был так молод и по закону он предупреждается, но никак не отправляется на сложную, довольно тяжелую подготовку стражей. Невозмутимость почтенного гражданина, а ведь закон нарушен и не один раз... Да, давно она не общалась с королем Атталом.

– Отлично, все сделано исключительно точно. Что ж, Хранительница, – улыбнулся, поворачиваясь к ней почтенный гражданин, – моя работа закончена, я удовлетворен. Откланиваясь, Хранительница, надеюсь прибыть в ваш дом у Заветной рощи в скором времени, – приложил он руку к груди в прощальном жесте, чуть склоняя голову. Ина молча повторила жест.

– Любезный, мы можем двигаться дальше, – обратился он к жителю, который принял на себя выбор приложения физической силы – развозка горожан. Ина еще какое-то время задумчиво смотрела вслед удаляющейся повозке... А потом она шла дальше, двигаясь в мельтешении обычной жизни Обменной площади обычного обменного дня. Со вчерашнего времени, начавшего свое движение к закату солнца, всё пошло не так. Всё изменилось, пока неуло-

вимо для нее в полном понимании произошедшего, но безвозвратно. Это она чувствовала наверняка. Вернулись ночные волнения, смущая привыкшую к спокойному ритму жизни Гармоничного мира душу.

«Нет, нет, – наконец возмутилась она про себя, – хватит этого бреда, хватит накручивать себя». Она сейчас пойдет к королю и во всем спокойно и обстоятельно разберется и все наверняка окажется какой-то ошибкой. У короля Гармоничного мира масса дел, вполне можно что-то упустить из вида и не учесть, забыть какие-то нюансы... Хотя такие нюансы как судьба молодого жителя... Всё, всё! Ина резко остановилась, вызвав удивленные взгляды, чуть не налетевших на нее селян. Сейчас она освободит свой разум от всего и спокойно направится к королю, чтобы даже тень предвзятости не помешала ей в открытом разговоре с королем. Ина оглянулась. Солнечные лучи привычно заливали Обменную площадь, играя в струях фонтана. Ароматы цветов и плодов, выращенных заботами матильд, благовоний и пряных трав царили над суетой обменного дня. Лавки жителей посвятивших себя служению красоте населения пестрели яркими красками тканей, сотканных руками матильд, разнообразие гаммы цветов которых просто невозможно было бы перечислить. К любому цвету тут же предлагали сочетающиеся в гармонии с выбранным цветом духи с ароматами всевозможных оттенков, от чувственно-тяжелых до ветрено-легких. Чуть уловимый долетающий сюда ветер с реки смешивал ароматы, витающие над площадью, добавляя им свою свежесть, и, кажется, бродить между лавками в коконе этих кружащих голову запахов, рассматривая немыслимое разнообразие и изящество произведенных руками населения предметов для обмена, можно было бесконечно. Щебетали, проходящие мимо нарядные Матильды с изысканно украшенными хвостиками, которые они бережно несли, обвивая вокруг правой руки, выставляя напоказ. Суетились, сосредоточенно пробегая в толпе, молодые жители посвятившие себя помощи другим в обменные дни. Степенно шагали в свободных светлых одеяниях главы семейств – патриархи в окружении своих многочисленных домочадцев, внимательно приглядываясь к предложенным к обмену вещам. Все как всегда. Ина двинулась дальше, решительно отбрасывая непонятное, смущающее ее душу.

«Как удивительно, – моментально прошло переключение на окружающее, – Гармоничный мир щедро наделял красотой женскую половину своего населения. Да, отрицать слова Смотрителя растений было бы не правдой.»

Пышногрудые красавицы в необузданном стремлении быть ярче, привлекательней, выделиться и поразить всех остальных представительниц прекрасной половины Гармоничного мира изошрялись в выборе своих нарядов, задаваясь, по-видимому, только одной целью – перецеголять друг друга во всевозможных изысках. Такая пестрота тканей нарядов, такое обилие разноцветных камней и металлов на всех частях максимально допустимо обнаженных тел удивило даже вполне лояльную к украшениям Ину.

Длинные и густые волосы разнообразных оттенков, от огненно-рыжих до иссиня-черных, разделялись ровным пробором, определяя обязательное условие – открыть тонкий хвостик от самой ямочки на затылке и до его гибкого кончика, а дальше фантазия не знала границ, и матильды, отдаваясь в руки жителей выбравших путь ухода за красотой, не жалели разнообразных фенечек, для украшения головы. Сколько усилий было приложено этими мастерами, чтобы подчеркнуть огромные глаза, аккуратными штрихами выделяя их на смуглых лицах, над которыми уже потрудились лучи солнца, одаривая разнообразными оттенками загара бархатную кожу красавиц. Ресницы —бабочки порхали над серыми, карими, зелеными глазами, увеличенные с помощью специально разрабатываемых теми же неутомимыми трудягами-служителями красоте разнообразными смесями красок преимущественно угольно-черного цвета. И как, чуть ли не обязательное дополнение, смотрели на Ину глаза-бусинки маленьких пушистых зверьков, устроившихся вольготно на руке, аккуратно поддерживаемых их хозяек. Немыслимые заколки и бантики украшали прически этих милых существ, над которыми, и это так

чувствовалась, потрудились умелая рука мастеров, посвятивших жизнь уходу за изящными созданиями. Розовые язычки показывались в открытых, зевающих в жару маленьких ротиках, и смешно при этом топорщились крохотные треугольные ушки, кончики которых венчали аккуратно подстриженные кисточки. Матильды гордились и носились с этими милыми зверушками, разрешенными к содержанию дома, не менее, чем со своими отпрысками, и многие павильоны на Обменной площади предлагали к обмену вещи и даже еду для этих членов семей. Ина опять остановилась. Уже почти у самого выхода ей попался павильон с расставленными на деревянных подставках разной высоты совершенно восхитительными горшками разнообразной формы и цвета. Она внимательно рассматривала предлагаемое к обмену, ведь заказанные Амой горшки должны строго соответствовать ее требованиям. Просто потом по возвращении от короля она потратит меньше времени на его обмен и...

– Какой утонченный браслет, – восхищенный возглас раздается рядом с Иной, заставляя ее поневоле стать участником бурной встречи.

Ина улыбнулась. Матильда Прелесть внимательно рассматривает ажурный браслет из серебристого металла, аккуратно держа хвостик матильды Красавицы. Ее глаза блестят, а огромные ресницы-бабочки часто-часто вспархивают.

– Дорогая, – незамедлительно отвечает ей матильда Красавица, – я непременно отведу тебя к жителю Ваятелю, выбравшему путь делание предметов из металла. Он сделает тебе такой же или ты выберешь любой другой. Он, этот сезон между днями обмена, был явно в ударе, у него столько разных штучек, ты просто охнешь, – она уверенно поправляет сидящего на руке пушистого зверька, длинные волосики на его лбу собраны в пучок, украшенные бантиком из розовых блестящих камешков, а из широко открытого ротика, зверька чуть свешивается маленький розовый язычок.

– Ой ты мое чудо, ты стал таким хорошеньким, таким толстеньким, – треплет за ушко с кисточкой, часто дышащего от окружающего его зноя, зверька матильда-Прелесть, – какое счастье, что у меня остался большой оранжевый плод, – тут же возвращается она к предмету разговора, – Ваятель их очень любит, – трогая рукой, плод лежащий в плетеной из сухих гибких веточек ажурной корзинке, добавляет она.

– Да я бы тебе дала свой плод, если что... – их разговор стал теряться по мере удаления подруг в толпе, кружащей вокруг павильонов.

Гул бесконечных разговоров, сплетающихся в одно целое, стоял над еще заполняющейся Обменной площадью. Звонкий смех доброжелательных встреч. Обмен мнениями о предметах обмена, серьезное и вполне объемное объяснение предназначений предмета и любезные, полные достоинства честно свершенного обмена, поклоны сторонами обмена. Прогнозы на нынешний урожай, советы по ведению домашнего хозяйства опытными матильдами более юным. Степенные беседы жителей по-старше. Все как всегда... и везде доброжелательность, улыбочивые лица и искреннее желание помочь ближнему. Гармоничный мир своей красотой и беззаботностью бытия так и толкает, подыгрывая желанию еще более украсить его, будь то цветок у дома, свое тело или свой собственный жизненный путь...

Ина выходит с обменной площади на узкую тенистую улочку между садами, в глубине которых, за живыми изгородями аккуратно подстриженных зеленых кустов, желтеют дома горожан из того же песчаника, что и стены города, кое-где украшенные вставками из белого искрящегося на солнце камня. Зной витал над узкими улочками лишенными прохладного ветра реки. Ина остановилась у обязательного для каждого домовладения фонтана. Она зачерпнула ладонью прозрачную воду из белой вырезанной из камня раковины, по которой тонкой струйкой сбегала вода в нижнюю чашу, питая тут же расположенную внизу у фонтана клумбу с необычными цветами. Прохладная вода приятно увлажнила кожу лица. Редко попадающиеся горожане, спешащие по своим делам, доброжелательно приветствуют Ину, прислоняя ладонь к груди. Не спеша, поднимаясь вверх по мощеной узкой улочке, Ина, наконец, достигла своей

цели. Массивные ворота металлической ограды территории дворца, как всегда, открыты. Обязательные стражи с застывшими лицами живых статуй, с копьями и щитами в руках, не обращают на нее внимание. Ина проходит через двор. Большой двухэтажный королевский дворец из белого искрящегося камня встречает ее обилием разноцветных мозаичных окон. Ажурные многочисленные башенки и колонны, гладкие и покрытые великолепной резьбой и лепниной однозначно вызывают восхищение, сколько бы раз она ни была в резиденции короля. На нее строго смотрят статуи почтенных граждан со своих постаментов среди колонн. Ина поднимается по широкой белой лестнице и минует крыльцо, проходя мимо стоящих и здесь замерших стражей с устремленными вдаль глазами, толкая неожиданно изящную и легкую белую дверь.

– Слышал, слышал, – гремит голос короля Аттала спешащего ей навстречу, сбегающего по ступеням парадной внутренней лестницы дворца, закрученные спиралями колонны которой, отделаны тонким золотым кружевом орнаментов, а на площадках встречают гостей белокаменные скульптуры грациозных танцующих матильд, – Хранительница решила посетить Город стражей.

Ина преклоняет колено перед вышедшим ей навстречу королем, прислоняя в знак верности кулак к груди, и опускает голову.

– Ну что ты, Хранительница, – король рывком поднимает ее с колена и ласково заглядывает в глаза, – ну что ты, Ина, девочка, какие могут быть церемонии. Дитя моего друга — мое дитя, – порывисто говорит он. Король первую часть дня опять посвятил своим любимым стражам, усмехнулась краешком губ Ина. Его пышущая мощью широкоплечая фигура была облачена в черные одежды его войска. Король обеими руками с, как всегда, стянутыми ремнями браслетами запястьями, поправляет рыжеватые волосы, в которых прятались чуть заметные проблески седины, убирая назад пряди, спутанные в беспорядке движения тренировочных боев. Они опустились на плечи, освобождая высокий лоб, обрамляя прорезанное волевыми складками мужественное лицо короля. Сильными руками воина король чуть приобнимает Ину за плечи и уверенно ведет рядом с собой.

– Пойдем! – громогласно восклицает он, – пойдем, я покажу тебе новый зал для песнопений и совместных танцев. Твоя мать меня всегда корила за мое излишнее внимание к стражам и вот... – король распахивает перед Иной двери в обширный зал из белого искрящегося камня, одна из стен, которого украшена искусной работой мастеров-камнетесов. Словно вытканый, а не выложенный из камня огромный цветной гобелен с изображением цветов из различных камней поражает своей изысканностью и точностью изображения. Он играет, переливаясь мыслимыми и немислимыми цветами в лучах солнца пронизывающих через огромные арочные окна весь глубокий зал с белыми колоннами, украшенными золотыми орнаментами, а дальше по стенам и потолку, словно продолжение игры цвета и света, те же золотые орнаменты, букеты и парящие птицы меж облаков...

– Великолепная работа, – искренне отмечает Ина, оглядывая окружающее ее великолепие.

– Утонченная роскошь, признак еще более утонченного Гармоничного мира, стремление сделать окружающее более прекрасным – все это чудо будут лицезреть достойнейшие матильды и жители Гармоничного мира, все кто изъявит желание, без каких-либо ограничений, – король отходит от нее на шаг, разводя широко руки. Он явно доволен видом искренне впечатленной и даже потрясенной увиденным Хранительницы. Он оборачивается, не опуская рук, оглядывая всё вокруг себя, и продолжает свою восторженную речь, – король вполне доступен для любого живущего в Гармоничном мире... —

– Иначе и быть не может, – спокойно прервала его Ина, смотря на короля в упор.

Остановленный довольно бесцеремонным вмешательством Ины в его только начавшую развитие темы речь, Аттал опускает руки и бросает на нее быстрый взгляд. Не очень доволен король такой бесцеремонностью, читает во взгляде Ина.

– Да, иначе и быть не может, – впрочем, согласился король, тут же устремляя свой взор на великолепный рисунок стены.

– Не может быть иначе и наказание... – многозначительно глядя на него, выдала Ина.

– О чем ты, дитя мое, – король Аттал с явно читаемым непониманием на лице поворачивается к ней.

– Сегодня, молодой житель, у ворот, – напоминает ему спокойно Ина.

– Ах, ты об этом, – воскликнул король Аттал, – выплеск дурной энергии, какая обыденная малость. Стоит ли она твоего внимания. Вчера был важный день в Гармоничном мире, неужели этот крохотный инцидент должен был отвлечь тебя от более серьезного, наиважнейшего, – поднял король указательный палец правой руки. На нем тускло блеснул огромный прозрачный камень в желтой оправе золота.

«Король Аттал и украшение?» – опять пронеслось в голове.

– Золото и камень – удел капризных матильд, – тут же всплыли в памяти когда-то сказанные королем перед Амой слова, – а удел воина – железо меча и твердость руки... – Как давно это было.

Ина серьезно глянула на него, – наверное ты прав, король Аттал, но все-таки. Я бы хотела предоставить результаты моего с ним разговора и обсудить их в оговоренном законе порядке в присутствии достаточного количества почетных граждан и второго Хранителя.-

– Будь по твоему, – король согласился не задумываясь, поднимая открытую ладонь левой руки вверх – регламентированный жест утверждения принятой королевской воли, для Хранителя печать, закрепляющая энергию договора до момента осуществления этой воли, – действительно будем чтить порядок и в следующий раз я непременно вызову тебя с Жабой на дворцовую площадь.-

Ох, что-то быстро гордый король смирился. А ведь раньше он непременно потребовал бы от Ины максимально полную информацию, полученную из уст нарушителя, переспрашивая ее, проверяя на слух каждое слово, требуя точностей в деталях разговора и даже передачи интонаций. Да что говорить! Раньше бы не Ина терзалась в поисках истины, а сам король непременно бы докопался до нее, но король уже словно забыл о нарушителе, с восторгом возвращаясь к осмотру каменного гобелена. Утонченная роскошь... Его похоже совсем не интересовало то, что произошло сегодня на Обменной площади. Пустые обвинения... нет, объяснять что-либо пропало желание, лжесвидетельствование... и не в обстановке парящих на потолке птиц и букетов по стенам.

– Я даже не об этом, – все-таки Ина была настойчива.

– Что-ж тревожит тебя, Хранительница, – не отрывая взгляда от изучения стены, почти равнодушно бросил Аттал.

– Нарушитель не хочет быть стражем, – твердо ответила Ина. Бровь Аттала поползла вверх и, с нарисовавшейся на его лице усмешкой, он повернулся к Ине.

– Разве кто-то спрашивает такого нарушителя, что он хочет, а что нет, – подчеркивает последнее Аттал, – по закону... —

– Закон уже был нарушен, – перебила его Ина, – а потом, – ты король, я Хранитель. Давай обратимся ко второму Хранителю и изменим закон, если выплеск дурной энергии всего лишь обыденная малость, – напомнила Ина королю его слова.

Усмешка покинула лицо Аттала. Король долго смотрел на Ину.

– Как же быстро ты выросла, девочка, – вдруг тихо произнес он и, кивнув головой, тут же придавая голосу властную решимость, твердо добавил, – хорошо, при первом же случае я обсужу этот вопрос с почтенным Жабой.-

Ина была готова поклясться всеми звездными богами, что некоторое замешательство короля перед последующим к ней обращением было вызвано еле скрытым раздражением,

потребовавшим определенное время для возвращения короля к его обычному всегда активному, но ровному состоянию.

– Хорошо, – бодрый голос возвестил о присутствии привычного короля Аттала, – что за срочное дело привело тебя сюда, что потребовало моего участия, – наконец король заинтересовался целью визита Ины, – я знаю, ты не сторонник праздного времяпрепровождения, и уже точно не обменный день привел тебя в город Стражей.-

Он, с выраженным вниманием в глазах, посмотрел на Ину, подчеркивая к какому серьезному общению готов.

– Вчера один из твоих стражей не пришел на ковер мироздания. Матильда Очарование обижена и требует возмездия, – объяснила цель визита Ина.

– Матильда Очарование. Очаровательная матильда, – протянул король Аттал, вдруг начисто лишаясь заинтересованности появившейся в его глазах, с уже заметным раздражением поглаживая светлые, чуть рыжеватые усы, подковой окаймлявшие рот, – ох, уж эти матильды, скорые на расправу лишь за то, что их оставили без внимания.-

Да что с королем Атталом!

– Король Аттал, это серьезное преступление, – осторожно напомнила Ина, не уверенная, что она правильно поняла короля, в голосе которого прозвучал упрек скорей матильде, а не стражу, поправшему древний закон. Может король что-то другое имел ввиду, ведь очевидность проступка налицо.

– Да, да, – громко ответил король, его лицо опять моментально изменилось, приобретая привычное выражение решимости, а в голосе даже проявилась некоторая пафосность которая звучала в его речах на общих собраниях на дворцовой площади, – да, девочка моя, я выполню долг гражданина Гармоничного мира, – торжественно заявил он, – пойдем на плац и я отдам виновника в твои честные руки.-

Ина уже не понимала, то ли ее удивляла, то ли смущала, а может пугала та стремительность, с которой происходили все изменения в лице, движении тела, глазах Аттала. Король, несомненно, король сейчас был перед ее глазами, но тот ли король...

Король Аттал, резко развернувшись, не дожидаясь Ины, крупными шагами пересек белокаменный зал, покидая его, поворачивая за парадную лестницу, открывая дверь в небольшую, но не менее помпезную комнату приемов и пересек ее, нигде не задерживаясь, направляясь к открытым настежь дверям, выводящим во внутренний двор.

– Построиться, – зычный голос крупного стража, заметившего короля появившегося на невысоком каменном крыльце, с которого открывался великолепный вид на внутренний двор, представлявший собой выложенный квадратными плитами тренировочный плац, часть которого была устлана соломенными матрацами, а в самом дальнем углу располагались мишени для обучения стрельбе из лука, заставил стражей прервать обучение искусству боя. Ровный строй из порядка сорока воинов в два ряда моментально сложился на глазах вышедшей следом за королем на крыльцо Ины.

– Ищи, – хмыкнул Аттал, явно довольный таким молниеносным построением. Ина медленно шла, внимательно заглядывая в лица смотрящих мимо нее пустым взглядом стражей. Блестят на солнце от пота прерванных в самом накалие рукопашных схваток, тренированные торсы сильных полуголых тел. Еще слышится сбивчивое, но старательно уравниваемое дыхание. Ни одна жилка не дрогнула на лице под изучающим взглядом всемогущей Хранительницы, ни одно веко не опустилось в обычном движении, не упало, чтобы прикрыть глаза, устремленные в только им видимую точку. Нет, парня среди них нет. Ина отходит назад, поднимается на крыльцо и внимательно оглядывает уже целиком строй стражей. Всё! Всё сложилось! Совершенно отчетливо приходит понимание... Она еще секунду смотрит на застывший строй накаченных тел с упирающимися в плиты босыми ногами и спрятанными за спину кистями рук. Она понимает, что так смутило ее во вчерашнем прищельце. Стражи – смуглые парни

с черными жесткими, прямыми волосами, схваченными сзади черными лентами в короткий пучок, закрывающий растущий из ямочки на затылке хвост, лежащий продолжением черных волос чуть ниже плеч на смуглой коже спины. В гармоничном мире светлые волосы только у нее, Амы и Аттала, но она отчетливо помнит – парень, у него были светлые с легкой рыжиной волосы. Тут же пришло сомнение – пахари и ремесленники встречались рыжие, огненно-красные с большими веснушками на мясистых носах, но стражи... Перед ней смуглые с черными волосами с горбинкой на носу, а тот... Давно она не была в гостях у Аттала.

Ина медленно покачала головой. Надо спросить у Смотрителя рождения, неужели в Гармоничном мире из кокона стали появляться светлые жители. Хотя... почему бы нет.

– Возможно он на какой-то из застав вдоль Высоких гор, – видя ее замешательство, предполагает Аттал, – мы усилили там гарнизоны. В горах появляются огни. Пока все спокойно. Но огней все больше. Это меня тревожит Хранительница. Я уж подумываю, а не пора ли создать заставы и по естественным границам Гармоничного мира – Граничной реке и Окраинного озера, увеличив количество стражей, а лучше создать новую заставу у Граничного утеса, там прямая дорога к ковру мироздания, а это сердце нашего мира, – горячо начал объяснять ей король, видимо уже забывая о цели визита Хранительницы в столицу, – я даже поговорил об этом с некоторыми из почтенных граждан, – добавил он, даже не замечая чуть приподнявшейся брови Ины, показывающей недоумение, которое опять посетило Ину после слов короля. Кажется, столица начинала жить чем-то иным, меняя установленные правила и теперь понятно откуда такое тяжелое, все терзающее душу Ины, заявление сегодня на площади произнесенное устами молодого нарушителя, которое выглядело после всего увиденного и услышанного вполне правдоподобным. Как же бьется сердце, как трепещет душа, которая все больше смущается тревогой неуклонно вползающей в мысли Ины. Она внимательно посмотрела на короля, но произнесла то, что должна была произнести.

– Если того требуют обстоятельства, король Аттал, я всецело приемлю твое решение, я думаю совет почтенных граждан и второй Хранитель непременно поддержат тебя в твоём стремлении защитить границы Гармоничного мира от неведомого, – уверенно заявила Ина королю.

Разве она могла сомневаться в Аттале – друге своего отца, также как в своем отце — создателе, основателе Гармоничного мира, которые так мудро очертили его границы и решили все проблемы с соседями изначально.

– Что ж, король Аттал, придется идти к Жабе, – выдохнула Ина.

– Я сожалею, – с печалью в глазах произнес Король, – вряд ли чем я смогу помочь еще тебе Хранительница, хотя... я бы сам с удовольствием надрал задницу этому нерадивому стражу, но... Пока могу только предложить тебе свое общество, поскольку уверен – Жаба сейчас в комнате для обмена мыслями с Наивысшим Вечным, – король протянул Ине руку, – сделай приятное старику, составь ему компанию, не будем тревожить почтенного Жабу в его обязательном уединении.-

Не торопясь, король провел Ину по краю внутреннего двора и, минуя невысокую арку, увитую зелеными лианами, вышел с ней в прекрасный ухоженный парк. Между разнообразными деревьями зеленели лужайки аккуратно подстриженной мягкой травы. Цветущие кустарники с крупными цветами всевозможных расцветок обрамляли, посыпанную мелкой красной крошкой камня, прогулочную дорожку. Беззаботность и легкость царили в королевском парке, наполняя его трогательным очарованием, заставляющим забыть о повседневных мелочах забот, отдать свои тревоги этому пробуждающему самые тонкие струны души окружающему и сделать только одно – слиться с его легкой беззаботностью. Они шли молча, прислушиваясь к чириканью спящих вокруг птиц, занятых своими вечными делами. Шорох камешков под ногами вскоре прекратился – они ступили на площадку величественной белой лестнице, ведущей по крутому спуску холма прямо вниз, сглаживая крутизну холма. По бокам начинаю-

щихся широких перил уложенных на белокаменные круглые колонны стояли огромные белокаменные вазы с цветными водопадами живых цветов. Идеально подстриженные кусты живыми ограждениями повторяли все изгибы каменной лестницы, а в самом низу призывно блестела гладь широкой Срединной реки, которая величественно несла свои воды мимо дворца короля, мимо города Стражей.

– Твой отец был идеальным Отцом-основателем и, когда он ушел от нас в вечных своих поисках, я предложил создать дом имени твоего отца, где жители Гармоничного мира могли бы мысленно обратиться к нему и преклонить колени в специальных изречениях в память о нем, – король Аттал, чуть поддерживал Ину под локоть, не торопиво, ступенька за ступенькой, спускаясь рядом с Иной к реке, все так же задавая темп их совместной прогулке.

– Разве это имело смысл, – искренне удивилась Ина, скользнув взглядом по мощной фигуре короля.

– Ты истинная дочь своей матери, – засмеялся Аттал, останавливаясь, оглядывая Ину с ног до головы, как некую диковинку, – именно так мне ответила твоя мать.-

– Он ведь был просто человек, хоть и посланник звездных богов, – Ина недоуменно пожала плечами и, не дожидаясь Атталла, шагнула на следующую ступеньку, – а обратиться к звездным богам с уверенностью, что твои слова и мысли будут услышаны, можно в любом месте, лишь бы это было искреннее желание твоей души.-

– А разве тебе самой не было бы приятно, что твоего отца помнят и чтут, – догнал ее Аттал, чуть повернув лицо, и в его глазах светилось такое читаемое ожидание ее ответа, словно сегодняшняя встреча явила для короля возможность получить окончательный ответ на какой-то серьезно терзающий его вопрос.

Ина резко подняла голову, оглядывая гладь приближающейся Срединной реки: – само существование Гармоничного мира, такого, каков он есть, лучшая память о нем, а почитание – это есть продолжение этого существования, – твердо закончила она.

– Что ж, юная Хранительница, ты преподала мне еще один урок, – голос короля Атталла был задумчив, но тверд. Остаток пути они прошли в полном молчании, и Ина почему-то была уверена. Король услышал и узнал всё, что хотел, и это не удивило его.

Небольшой симпатичный, впрочем, как любое строение в Гармоничном мире павильон с ажурной стремящейся вверх пирамидкой крышей, держался на сваях уходящих прямо в воду Срединной реки.

– Проходи, отдохни в тени, Хранительница. – Аттал широким жестом гостеприимного хозяина указывает на павильон. По узкому мосту с такими изящными металлическими перилами, что, кажется, тут-же сломаются, если кто-то решится опереться на них, они проходят над сероватыми водами реки, ступая на выложенный искусным узором каменный пол павильона. Павильон пуст. Аттал проходит в центр и садится за накрытым для приближающегося по времени обеда, столом, призывая Ину жестом сделать то же самое. Ина с удовольствием устроилась в удобном плетеном кресле. Легкий ветер колышет белые полотнища стен из нежнейшей полупрозрачной материи. Прохладой и негой веет от реки и совсем не хочется куда-то спешить, заниматься серьезными вещами. Другой берег так далек, что растущие на нем пальмы кажутся миражом, вызванным дрожащим, текущим в усиливающимся зное воздухом. Ина берет порезанные кубиками фрукты и, откусывая маленькие кусочки, с интересом наблюдает, как по Срединной реке скользят прогулочные лодки, и, выбравшие для себя путь приложения физической силы, жители-гребцы в белых одеждах стоят на высоком изящно изогнутом носу лодок, управляя большим веслом, направляя их неспешный бег вниз по течению, где за стеной города Стражей ждут тенистые рощи с пряными плодами на ветках, вкусив которые хочется танцевать. Звонкий смех и непонятные обрывки разговоров разносятся над гладью великой реки. Нарядные матильды, с выглядывающими из-под рук любопытными мордочками

пушистых зверьков, наполняют прогулочные узкие лодки, что-то бурно обсуждая и беспрестанно взрываясь смехом.

– Ох, уж эти хвостатые жеманницы, – восклицает, следуя за ее взглядом Аттал, – пока они юны и безмозглы, они без ума не только от крепких стражей, но и от своих визгливых глупых собачек, которых Смотритель называет зверьками. А потом носятся со своими коконами, пока Смотритель рождения достанет оттуда хвостатое чудо и начинают пилить стража-мужа за то, что он мало уделяет ей внимания, больше времени проводя на плацу в тренировках. Мужской мир и женский, к сожалению, одинаков во всех мирах, Хранительница, – бросает он раздраженно надкусанный кубик оранжевого плода на ярко голубую тарелку, вызывая угасшую уже было тень тревоги, смутившую опять душу Ины, но лицо Аттала не меняется, его глаза всё с тем же интересом смотрят вдаль на лениво ползущие воды реки, и тревога опять отступает.

– И при всем этом – это ли не идеальный мир, – вопрошает Аттал, поворачиваясь к Ине, – заложенный Отцом-основателем, Отцом-создателем, твоим отцом. Мир беззаботной энергии, текущей плавно и ровно, и дарующей такое легкое приятное тысячелетнее существование, без эксцессов и излишних волнений. Каждый добровольно выбирает свой путь, обменивая свой труд на плоды труда другого жителя Гармоничного мира, каждый выбирает пару, согласно Ковру мироздания, каждый вправе быть уверенным в правом суде, случись с ним беда, – он замолкает, ожидая ответа.

– Великолепно, – соглашается Ина. И тут лицо Аттала резко меняется. Глаза превращаются в узкие щели, непонятный огонь разгорается в них, пугая Ину своей необъяснимой глубиной, а на скулах прорисовываются желваки. Ина смотрит в это разгорающееся пламя, выжигающее привычное в глазах короля, на мгновение они становятся черными и пустыми, словно из открывшейся бездны на Ину смотрит нечто новое незнакомое, ощутимо враждебное и даже опасное.

– Но скучно, скучно до тошноты, – вдруг резко бросает Аттал и, тут же, словно желая сгладить, так неожиданно и резко высказанное, под удивленным взглядом Ины, еще завороченной, то ли видением, то ли осознанием невозможности самого появления явленного, добавляет, – что-то я стал брюзгой последнее время, как наверняка сказала бы Ама, – улыбается он, гася окончательно поразивший и так напугавший Ину огонь. Он резко встает из плетеного кресла и предлагает руку Ине.

– Пойдем, я покажу тебе новый плац. Он больше прежнего и оснащен посерьезней.

Ина никогда не присутствовала на обучение стражей, но то, что видит она сейчас...

Странные, очень странные учения стражей. Несколько стражей с крепкими палками в руках парами стоят друг против друга. Их руки – сплошные бугры накаченной плоти. «Громилы,» – моментально всплывает в сознании удивленной увиденным Ины. Босые ноги в коротких узких штанах тумбами твердо стоят на каменных плитах плаца.

– Пошел, – кричит молодой страж, стоящий перед первой парой, и делает взмах рукой.

– Молодая поросль, – кивает весьма довольный король в сторону одинокого стража, – но такой целеустремленный, даже удостоился чести руководить тренировками новобранцев.

Новобранцы с коротко остриженными волосам на головах, совсем юные, худые и толстые, испугано оглядываясь, выбегают по очереди из открывающихся ворот в стене и приближаются к стоящим с палками громилам. А дальше начинается ужасное. Громилы с абсолютно равнодушными лицами, прикладывая максимум силы, с размаху бьют по обнаженным спинам новобранцев. Кто-то терпит, кто-то кричит, кто-то падает.

– Держать строй, ленивые бездари, – кричит страж руководящий...

«Нет, не тренировкой – битьем», – поправляет Ина себя, оценивая начавшееся перед ней. Он подбегает к упавшим и грубо, не церемонясь, пинает кого-то в бок, наклоняясь, с размаху, бьет под ребра крепким кулаком, таким образом, заставляя подняться упавших и ужас начинается сначала. Удар, еще удар. Удары сыпятся на обнаженные спины в учающемся

темпе, с всё более сокращающимися перерывами, как будто бьющих охватывает необъяснимая одержимость. Под ударами палок на спинах четко прорисовываются красные пятна, у кого-то из разбитой ударом кожи сочится алыми каплями кровь, стекая по смуглым оголенным спинам. Где она? Неужели это ее беззаботный Гармоничный мир. Она беспомощно и не до конца понимая происходящего, смотрит на короля Аттала, который внимательно, не пытаясь даже спрятать свое удовлетворение, наблюдает за действием разворачивающемся на плацу, не обращая на нее ни малейшего внимания.

«Неужели это и есть обучение, неужели это и рождает стражей – тогда понятно, почему так много было теней, было...» мысли вопросами кружатся неудержимым хороводом в голове.

– Давай гони их, – азартно выкрикивает Аттал, поддерживая стража руководящего обучением.

– Прекрати это, прекрати немедленно, – не выдерживает Ина, с отвращением отворачиваясь от происходящего, – боль запрещена в Гармоничном мире, —

– Но не в отношении будущих стражей, – не отрывая взгляда от происходящего, не задумываясь, отвечает ей Аттал и тут же поясняет, – лишь она растит настоящих стражей, готовых отстоять этот мир.-

– Ты где-то видишь угрозу, король Аттал, – тон Ины заставляет короля повернуть к ней лицо и внимательно глянуть в ее горящие неприкрытым гневом глаза.

– Угроза есть всегда, моя девочка, – вдруг опять лицо Аттала сделалось жестким, зажигая странный огонь в глазах короля. Но он сделал знак. Руководящий битьем поднял руку. Стражи опустили палки и застыли в строю.

– Новобранцы свободны, – прокричал Аттал.

Новобранцы, поддерживая ослабленных товарищей под руки, кучей уходят с плаца, теряясь за дверьми из которых их выпустили навстречу произошедшему кошмару.

– Подойди сюда, – подзывает Аттал руководящего стража.

Молодой страж незамедлительно выполняет приказ. Сколько же преданности в его глазах. Ину удивляет непомерный фанатизм, так четко проявившийся на смуглом лице.

– Ты молодец, – кладет король руку на плечо стража.

– Благодарю, король, – страж порывисто ударяет себя в грудь кулаком и наклоняет в знак покорности голову. Так близко. Ина внимательно рассматривает его. Он совсем юн этот страж, так самозабвенно выполняющий непонятные Ине вещи.

– Я вижу, ты готов к посвящению, – странной радостью наполнен голос короля.

– Да, – коротко, но твердо отвечает страж.

– Тогда приготовься, ты достоин испить чашу напитка, дарующего высшее блаженство. Иди и пройди инициацию достойно.-

Ина пристально смотрит вслед удаляющему стражу, долго, пока он не скрывается в тех же дверях, куда ушли избитые новобранцы.

– Мне, кажется, я многое пропустила, занимаясь своей работой, – обратилась она к Атталу.

– Но это же твоя работа, девочка, – как ни в чем не бывало, ответил Аттал, – она требует много внимания и ты великолепно с ней справляешься, – он своей радушной улыбкой вернул прежнего короля, а потом, чуть наклонившись к ней и подмигнув, продолжил, – и между нами Хранительница, матильды становятся капризней и требуют большего внимания и силы, поэтому молодые жители знают, на что идут и ради чего они стараются. Матильды любят настоящих стражей, накаченных и сильных, разве нет Хранительница? Маленькие прихоти есть и в Гармоничном мире, ведь так? —

Ина спрятала глаза. Получить в вечные спутники стража, это мечта каждой Матильды. Хотя Ковер мироздания мог объединить любого, и никто этому не противился.

– Но боль порождает зло и ненависть, – Ина была непреклонна, и объяснение короля совсем не устраивало ее, – закон Гармоничного мира запрещает это.-

– Тогда они не будут стражами! Ремесленниками пахарями, но не стражами, – с абсолютной уверенностью твердо высказал Аттал.

– Ты говоришь, как человек Аттал, а не как один из жителей Гармоничного мира. Они все одинаковы и ремесленники, и пахари, и твои стражи, – Ину все больше удивлял и даже возмущал этот разговор с королем, которому приходилось объяснять давно принятые и абсолютно неоспоримые постулаты бытия Гармоничного мира.

– Расскажи это Матильдам, Хранительница, – неумолимо бросил король.

– Закон гласит – ужасная боль превращает в теней... —

– Но никакой закон не определил границы, да и саму эту ужасную боль, – нетерпеливо прервал ее король.

– Именно поэтому любая боль запрещена в Гармоничном мире, и никто не знает, что происходит с тенями в Запретном лесу, что с ними делают многорукие великаны, – Ина не собиралась уступать. Король смотрел на ее серьезное лицо, в глаза, горящие праведным гневом, разожжённые непонятным ей упорством короля и вдруг взорвался безудержным смехом. Ина насупившись смотрела на него, не понимая причины вызвавшие такую реакцию.

– Я знаю, – сквозь смех воскликнул он, – я знаю, девочка, – наконец успокаиваясь, останавливая свой смех, с ухмылкой сменивший смех на лице, выдал Аттал, – всего лишь разывают этих убогих бездарей на части и пожирают их. —

Ина искоса взглянула на откровенно издевающегося над ней короля, но его лицо стало серьезным, он строго взглянул на Ину и продолжил: – и время тоже, время тоже пожирает всех, даже боги не бессмертны и ты это отлично знаешь, девочка. Даже в этом Гармоничном мире приходит заслуженный отдых и все становятся тенями.-

– Нет, не путай Аттал, это не тени, это обретенные сущности, это совсем другое Аттал. Тени-обретенные сущности – бесплотные оболочки, чистая жизненная энергия ушедших в свой срок дают новую жизнь в других мирах, но не тени – плотные материальные тела из которых ушла жизненная энергия, ставшие таковыми от порока и лишённые жизненной энергии рукой Хранителя. Но не всегда Хранитель забирает дарованную богами жизненную энергию. Невыносимая боль, терзающая плоть и душу, пожирающая жизненную силу, это категорически недопустимо в Гармоничном мире, это страшное преступление и причиняющий такую боль по закону сам становится тенью, и такие тени отправляются в Запретный лес в мир многоруких великанов. И этот – молодая поросль... —

– Ах, Хранительница, – махнул совершенно равнодушно рукой король, обрывая ее доводы, – я право устал от спора с тобой, это твоя забота разбираться в таких тонкостях. Порок редок в нашем мире, хотя и бывает, для этого есть великий судья – ты Хранительница. И ты мудра – порока в нашем мире все меньше. А молодой житель, который не смог стать стражем..., – король нахмурился, собирая складками лоб, подбирая необходимые слова и уже предсказуемо взорвался, – он даже не заслуживает стать пахарем, он не имеет право создать кокон с матильдой! Тогда зачем он в Гармоничном мире? Лучший исход для него – стать тенью, – и снова молчание, складки на лбу исчезли, и голос звучал твердо, но без особых эмоций, – а главное, самое главное, ты не знаешь, девочка – боль дает им возможность перенести реальную боль – боль от ран, полученных в бою. А для истинных стражей – великих стражей, стражей по зову сердца и велению их души, и великую боль, о которой тебе лучше не знать и эта великая боль делает их настоящими воинами. Это как посвящение в мире людей, посвящение мальчика в мужчины, а этого тебе не понять, это мужская часть Гармоничного мира, – глухо закончил король.

– Зачем король Аттал, зачем в Гармоничном мире всё это, – заглядывая в его глаза все же недоумевала Ина, ее никак не устраивали объяснения короля, может действительно это нечто

совсем другое и даже необходимое, но всё ее существо противилось этому, так ли оно необходимо и вообще есть ли место для этого в беззаботном существовании утонченного Гармоничного мира.

– И здесь был когда-то хаос, девочка моя. Мы с твоим отцом сотни лет назад восстановили этот мир, строго разграничив сферы влияния с нашими соседями за Окраинным озером и Граничной рекой, мы много приложили усилий, добиваясь окончательной гармонии, но соседи вещь непредсказуемая во всех мирах, тем более мы не знаем, кто зажигает огни в пустых ранее Высоких горах и стражи должны быть готовы всегда ... —

Он взял ее под руку и повел в другой угол плаца, где продолжалось обучение стражей.

– Держи палку крепче, – активно включился в процесс обучения Аттал, обращаясь к тренирующемуся стражу, отбивающемуся от нападающих на него с двух сторон верзил, почти мальчику. Ину совсем не воодушевлял этот процесс: – Водяное чудо встревожен, – обратилась она к Атталу, старательно пытаясь не смотреть туда, куда с таким искренним восторгом был обращен горящий взор короля.

– И что-же встревожило этого отшельника, – бросил Аттал, даже не отрываясь от наблюдения за тренировкой.

– Теней стало меньше, – передала Ина тревогу Водяного чуда.

– Его всегда тревожили какие-то глупости, что в этом плохого, значит порока меньше, наш мир становится лучше, – отмахнулся король.

– Но теней не просто стало меньше, их нет. Их последние сто лет нет вообще, тех, кого приходится провожать до Запретного леса Водяному чуду.-

Аттал внимательно глянул на нее.

– Я согласен. Это проблема. ... Я ненавижу вас ленивые бездари, – вдруг закричал Аттал. Он бросился к обучающемуся и выхватил у него палку: – нападайте, ну! —

Резкими пляшущими движениями он отбил от бросившихся на него верзил, нанеся чувствительные удары, судя по вырвавшимся у них стонам, молча кинул палку юному стражу и вернулся к Ине.

– Зачем ты здесь, Аттал, – тихо произнесла Ина, – ты воин, разве тебе место в Гармоничном мире? —

– Я король, девочка, король этого мира. Ты управляй неведомым мне, а я буду управлять и заботиться о неведомом тебе. Мы гармоничны, как были когда-то в гармонии с твоим отцом. Тебе пора к Жабе. Я думаю, он закончил свое общение с Наивысшим Вечным.-

Ина вышла за ворота дворца. Аттал ушел от ответа. Что-то не связывалось. Что-то ускользает от нее и это смущало ее, усиливая предчувствия чего-то неизбежного, к чему она все ближе и ближе... Гулять по городу Стражей расхотелось. Ина привычно закрыла глаза в ожидании голубой молнии. Пульсирующая энергия проявилась мгновенно... Жилище Жабы – ничем непримечательный двухэтажный домик из нескольких комнат, прятался в самом конце заросшего, совершенно заброшенного, одичавшего сада.

– Я сожалею, но гоню Смотрителя растений от моей одинокой обители, – объяснял он как-то Ине, – кому-то комфортней среди благоухающих цветов, а моей душе предаваться размышлениям гораздо привольней в этих зарослях дикого винограда и зеленого плюща. А им привольней расти здесь в свободе, пряча мою обитель от лишних глаз.-

Да с последнего посещения сад зарос еще больше. Узкая тропинка шла к дому, закрытая плотным переплетением ветвей старых больших деревьев, оплетенных всевозможными вьющимися растениями, наглухо лишавшим солнечного света эти замшелые и от этого кажущиеся такими древними внушительные камни дорожки, по краям которой, из-под плетений гибких ветвей проглядывали небольшими фрагментами когда-то весьма прекрасные скульптуры. Ина еще помнила, как они выглядели, когда она первый раз посетила дом Жабы с Амой. По замшелым камням Ина прошла к дому. На небольшой площади из тех же замшелых камней

перед дверью дома молчал заросший хмелем бывший фонтан, из-под зеленых листьев проглядывала резная чаша белого камня, которую предполагалось наполнять живительной влагой, но... Тишина, абсолютная тишина наполняла этот странный сад. Ни пенья птиц, ни движения обычных жителей садов, ни даже легкого ветра с реки. Что это было?... Странности вечного затворника. Объяснила себе тут же неясность Ина. Гармоничный мир и для Жабы, видимо, это и есть гармония. Неожиданно что-то напрягло Ину, еле уловимое движение, чуть слышимый шорох под чьими-то осторожными шагами. Краем глаз она увидела, что кто-то наблюдает за ней из зарослей за фонтаном. Ина остановилась перед стеклянной дверью.

– Хранительница Ина, – в стекле двери, четкими очертаниями отобразилась фигура в характерном одеянии с капюшоном на голове.

– Вечная дева, – не оборачиваясь, ответила Ина.

– Как любезно твое посещение нашего убогого, – мелодичный голос звучал легкой музыкой.

– Я посещаю второго Хранителя по долгу моего предназначения, – продолжила Ина странную беседу.

– Все по долгу, – засмеялась Вечная дева, и смех зазвенел, рассыпаясь звуками колокольчиков, – по долгу можно и в неприятности вляпаться, – продолжая смеяться, проворковала Вечная дева, – правда и неприятности могут обернуться приятностями. Нет, не буду тебя отговаривать, сегодня звезды были так капризны, ступай к убогому, да пусть свершится предначертанное.-

– О чем ты, – не поняла Ина, – пророчествуешь или смеешься, – обратилась она к отражению в стекле.

– Молода, невинна и так же наивна, – вечная дева в стекле, не отвечая, развернулась и легко, словно плывя в своем длинном, тащащимся хвостом по заросшим мхом дорожкам сада балахоне-накидке, пошла к выходу. Ина развернулась и посмотрела ей вслед. Вечные девы могли видеть будущее и прорицать и даже говорили иногда правду. Вот именно, иногда, усмехнулась про себя Ина. Уж она-то знала наверняка – будущее многовариантно и попасть в то, что действительно предначертано звездами весьма проблематично, хотя...

Ина осторожно толкнула прозрачную стеклянную дверь. Дверь открылась легко и совершенно бесшумно. Она проследовала мимо закрытых дверей по узкому коридору в зал приемов. Пусто. Поднялась по узкой лестнице на второй этаж и прошла к дверям дальней комнаты. Тихонько вошла в келью отшельника. Жаба сидел, поджав колени и закрыв глаза. На лысом затылке полностью обритой головы торчал неразвитый маленький хвост. Ине почему-то неприятно было видеть это подтверждение ущербности Жабы. Жаба, как и все остальные Смотрители, посвящая себя служению Главному Общему в Гармоничном мире, добровольно останавливал рост своего хвоста, прибегая к каждодневному многочасовому чтению специальных изречений, предназначенных для такого заслуживающего уважения случая, чтобы энергия, с рождения накапливающаяся в хвостах для создания кокона, уходила на другие возможности, но у Жабы, совершенно лишенного охраняющих хвост от случайных повреждений волос, он больше походил на засохший обрубок ветки, на которой торчали обломки былых боковых веточек.

– Что привело тебя, Хранительница Ина, – глухо произнес Жаба, оборачиваясь, но не поднимая на нее глаз, еще не отошедший полностью от общения с Наивысшим Вечным. Ина не знала настоящего имени другого хранителя. Он всегда был Жабой. Она помнила, как Ама, при знакомстве с выбранным Атталом претендентом для передачи ему полномочий и знаний, пробурчала при маленькой еще Ине.

– Аттал, я не очень доверяю Жабам.-

Аттал тогда долго смеялся.

– Ты точно Ама, вот это и будет его имя, а то все Хранитель да Хранитель, он похож на маленьких квакающих жаб в пруду людского мира.-

– Я говорю о монстрах из тростников Срединной реки, – не ответила на его смех Ама.

– Какая разница, Ама, по-моему, это те же жабы, только раздувшиеся до таких размеров, как наш почтенный Хранитель.-

Только повзрослев, Ина поняла Аму – все оплывшее лицо Жабы было усыпано огромными бородавчатыми наростами, как и его, сложенная из необъемных складок подбородка, шея. Именно такие наросты красовались на телах огромных животных, неподвижно сидящих в зарослях тростника на Срединной реке, лениво иногда перепрыгивающих на другое место для того, чтобы, не двигаясь съесть весь окрестный тростник, издать резкий глухой крик и высунув длинный язык поймать зазевавшееся насекомое. Именно эти наросты вызывали устойчивое отвращение всех доброжелательных жителей гармоничного мира к этим зверям, исключая конечно Смотрителя животных, готового нестись к ним на помощь при малейшем сдвиге их вибраций, а это происходило довольно часто – животные объедались и от этого жестоко страдали.

Жаба ждал. Ина, чуть нахмурившись, отогнала эти воспоминания.

– Что привело тебя ко мне, – повторил он, тяжело поднимаясь с колен. Грузное тело завернуто в желтый халат из гладкой ткани, перетянутый широким серым поясом. Жаба привычно сложил руки на огромном животе, пряча руки, покрытые такими же наростами в широкие рукава халата: – жилище не ищущего мирских утех затворника не очень приятное место для посещений.-

– Страж не появился на ковре мироздания, после выбора матильды, – спокойно произнесла Ина. Жаба чуть поднял бровь, демонстрируя удивление.

– Это серьезно, – между тем, ровным голосом выдал он.

– Да, – кивнула Ина, – ты знаешь, мне не обойтись без тебя.-

– Хорошо, – согласно качнул головой Жаба, – завтра мы пойдем на Ковер мироздания. Сама знаешь, в путь отправляться лучше на заре, – он обошел все еще стоящую у дверей Ину и вышел в полумрак коридора, освещенного тусклым светом затененного сада, проникающего в маленькое оконце под самой крышей.

– Если не брезгуешь принять из моих рук пищу, я смею предложить тебе совместную трапезу, – вдруг обратился Жаба к молча шагающей за ним Ине.

– Жаба, не удивляй меня своими речами, – горячо заговорила ему в спину Ина, – что изменилось, разве я могу допустить хотя бы мысли о твоей нечистоте? —

– Ты давно не посещала мой дом, – тем же ровным голосом объяснился, не оборачиваясь, Хранитель.

– Только лишь потому, что не было в этом нужды, Жаба. Вспомни, ведь все время ты приходил ко мне разыскивать, то ремесленника, то пахаря, которых поражала одна и та же болезнь – лень, и мне приходилось отправлять тебя с ковра мироздания на розыски. Мы проводили совместную трапезу в моем доме и ни меня, ни Аму нисколько это не смущало.-

– Прости Хранительница, – Жаба, наконец, остановился и, не поднимая глаз, продолжил, – ты права, видимо я настолько пропитался своим одиночеством, что меня уже пугает чье-либо общество.-

– Вечная дева в саду, разве она не была в твоём доме, – вопрошает Ина.

Жаба удивленно поворачивает к ней голову.

– Вечные девы давно забыли о моем существовании, почему ты помянула их.-

– Нет, нет, Жаба, видимо я ошиблась, – бормочет Ина, отчего-то ей совсем не хочется рассказывать Жабе о странных словах Вечной девы.

Она медленно опускается за Жабой по ступенькам старой деревянной лестницы. Ступени скрипят под тяжелым телом Хранителя, который спускается боком, тяжело дыша, опуска-

кая на ступеньку сначала одну, обутую в тканую туфлю, раздувшуюся до размеров лапы тосл-тобрюха, ногу-тумбу, а затем другую. Спуск по невысокой лестнице долог и, слава звездным богам, пыхтящему Жабе не до нее, в ее потугах понять, неужели Вечная дева пришла ради нее? Неужели, это было все-таки пророчество? О каких неприятностях вещала Вечная дева? Ох, не зря ее мучила вчера бессонница под яркой звездой. Наконец, спуск закончен, и Ина, пройдя еще чуток, заходит за Жабой в открытые им двери, которые она уже миновала до этого в поисках Жабы. Небольшая узкая комната с большим окном, выходящим в сад за домом. Плотное сплетение ветвей деревьев сада хранит прохладу и полумрак этой комнаты с квадратным простым столом посредине. Жаба аккуратно достает из небольшой корзины, стоящей на столике у стены несколько различных круглых и продолговатых плодов. Снимет с ящика, закрепленного на каменной стене над столиком, аккуратно установленные в специальные ячейки, глиняные тарелки. Размеренно очищает плоды от пупырчатой кожуры и аккуратно нарезает в тарелки на небольшие кусочки. Ина молча наблюдает за его действиями, лишь иногда оглядывая простую обстановку комнаты. Жаба замечает ее взгляд.

– У меня нет очага, Хранительница, я не нуждаюсь в приготовлении растений. В своем первозданном виде они гораздо ароматней и приятней на вкус. Зато у меня вода из незамутненного источника, – с улыбкой достал он из самого угла полки и предоставил на рассмотрении Ине прозрачную стеклянную плоскую флягу, – она совершенно чистая, а на вкус ничуть не хуже воды из ручья под гибкими деревьями в ложбине у твоего дома, Хранительница. Вот видишь, я помню ваше с Амой гостеприимство и рад ответить тем же. – Жаба ставит на стол узкие высокие стаканы и наливает в них воду. Наконец, закончив с хлопотами по заполнению стола, он садится в широкое плетеное кресло напротив Ины. Ина, не торопясь, берет разноцветные кусочки с тарелки. Они действительно ароматны.

– Удивительно, – спокойно поддерживает бесцветным голосом разговор Жаба,

– Гармоничный мир не такой большой, а растения, произрастающие у Срединной реки, разительно отличаются от растений, живущих у Окраинного озера или Высоких гор.-

– Ама говорит, что это из-за отличия состава почвы и яркости получаемой ею солнечной энергии.-

– Что-ж, я всегда доверяю Аме, видимо это и есть причина... Значит страж не пришел на Ковер мироздания, – вернулся неожиданно, не меняя тембра голоса, Жаба к теме визита Ины, – странный страж, такое было не часто на моей памяти.-

– Всего два раза, – напомнила Ина.

– Да, только два, и оба раза стражи увлеклись хмельнопитием, чтобы, как они посчитали, стать храбрее, а в итоге все закончилось плачевно и банально, они просто проспали отпущенное время, там же, у Ковра мироздания. Глупо. Да, не очень приятная у тебя миссия отыскать и превратить в тень стража свершившего элементарную дурость.-

Жаба, не глядя на Ину, сделал глоток из узкого стакана. Ина вдруг отложила оранжевый кусочек, который она уже взяла с тарелки.

– Почему, Жаба? Почему ты принял на себя бремя Хранителя. Я по наследству приняла его, и у меня не было выбора – я человек, но ты, ты Жаба, что сподвигло тебя отказаться от житейских радостей, от создания светящегося кокона и получения маленького чуда, от наслаждения благами Гармоничного мира и обычной жизни в кругу любимых и родных? – Всё, она задала свой, давно терзающий ее вопрос, и ей стало даже немного легче. Ничего не изменилось. Жаба с равнодушием выслушал ее эмоциональную речь. Он осторожно поставил стакан на стол.

– Вот это, – спокойно ответил он, указывая на нарост на лице, – кем-то я уже был отмечен при рождении из светящегося кокона. Ты в Гармонично мире видела еще такое уродство, такое уродство, что родителям, доставшим меня из кокона, пришлось отнести в одну из пещер Высоких гор на границу Гармоничного мира и передать на воспитание Вечным девам, которые

из-за отсохшего хвоста никогда не смогут иметь маленькое чудо. И они были рады мне, но не я сам себе, – наконец краешки губ дрогнули, являя Ине усмешку на непробиваемом до этого лице Жабы, – создать светящийся кокон, говоришь ты, – он посмотрел прямо в глаза Ины, – однажды я услышал разговор вечных дев.

– У нашего уродца растет хвост, – он вполне успешно копировал тонкий голос Вечных дев.

– Бедный малыш, – ответила ей другая, – это будет катастрофа в Гармоничном мире, когда придет время, и матильда убежит с ковра мироздания, увидев, кто выбрал ее в Заветной роще. – Он, замолчав, устремил свой ничего не выражающий взгляд в окно.

– Тогда я нашел себе уединенную пещеру в Высоких горах в пределах разрешенной границы Гармоничного мира и ушел от вечных дев, чтобы стать отшельником. Видимо сама создающая энергия Наивысшего Вечного предназначала мне мой путь, – уже совершенно спокойно с присущим ему безразличием закончил Жаба.

– Да, звездные боги бывают непонятны, – согласно кивнула Ина.

– Звездные боги всегда понятны, – бросив на нее короткий взгляд, озадачил Ину Жаба, – видимо это не печать звездных богов и меня изначально ждало совсем иное... – тихо проговорил он, снова смотря мимо Ины в окно, впрочем, не видя там своего мрачного сада. Ина покачала головой: – о чем ты, Жаба? —

Жаба, вдруг сузив глаза, пристально посмотрел на нее, словно пытаясь разглядеть в ней что-то очень важное сейчас для него, Ину удивил живой интерес, вдруг проявившийся в его глазах, меняя лицо Жабы, снимая с него маску безразличия и являя Ине совершенно другого Хранителя – живого и любопытного.

– Для тебя это бремя, для меня огромные возможности из проклятья сотворить величие, – тихо продолжил он, не отрывая заинтересованного взгляда от нее.

– Ты говоришь непонятные мне вещи, – строго глянула на него Ина.

Жаба усмехнулся: – а может это твое счастье и судьба хранит тебя этим твоим непониманием, – интерес ушел, делая глаза Жабы привычными, не выражающими ровным счетом ничего, – что-ж каждый верен самому себе и это уже неплохо, – закончил он беседу, поднимаясь из-за стола, оставляя Ину в полном недоумении, – пойдем, Хранительница, я провожу тебя в твою комнату, – не ожидая ее, двинулся Жаба к двери.

Ночью Ина спит плохо. Ей снятся кошмары. Она опять видит странные учения и совсем близко – оскаленное лицо стража бьющего по спине новобранцев. Провал. Она тихо входит в комнату для общения с Наивысшим Вечным. Комната пуста. На полу определен белой чертой круг. Непонятные знаки и символы начертаны вокруг круга. В темном углу горит слабым огнем, почти не освещая комнату, светильник. Пламя чуть дышит в металлической чаше на железной треноге. Провал. А потом Жаба. Этот же страж, с закрытыми глазами, склонив побритую уже голову, стоит на коленях, тяжело дыша, перед Жабой в кругу, начертанном на полу комнаты для обмена мыслями.

– Ты готов испить чашу напитка дарующего высшее блаженство, – склоняется над бритой головой жаба, проводя по ней своей оплывшей в наростах рукой. Другая рука... Ина не видит, что сжимает в ней Хранитель.

– Да, – в голосе стража звенящей ноткой еще слышно напряжение.

– Ты готов пройти посвящение, – утробным голосом зовет к нему Жаба.

Юный страж тяжело дышит, но твердо отвечает: – да.

Жаба аккуратно перебирает хвост юного стража, добираясь, наконец, до его основания.

– Ты готов! – уже кричит Жаба

– Да, – повторяет уверенно юноша. Взмах явленного ножа в руке Жабы. Вскрик боли, и тело юноши со стуком падает безжизненным кулом на пол. А Жаба спокойно подходит к горя-

щему светильнику и бросает отрезанный хвост в огонь. Огонь жадно пожирает приношение, ярко вспыхивая, освещая всю комнату, изгибаясь на стене рогатой тенью.

– Владыка, прими нового посвященного, – тихо произносит Жаба... Вдруг Жаба оборачивается и смотрит прямо на Ину, словно находится сейчас в ее сне.

Ина вскрикивает от безумного страха, сжимающего горло, судорожными волнами накачивающегося на нее и просыпается окончательно, садясь в кровати, тяжело дыша, бессмысленно вглядываясь во мрак окружающей ее ночи.

Что за горячечный бред, мечутся мысли. Хорошо, что это всего лишь сон. Иначе... Страж без хвоста... лишенный хвоста таким изуверским способом... это означает только одно – он становится тенью. Тенью опекаемой Водяным чудом, но таких теней давно нет, куда исчезнет эта тень... Нет, это только сон, не более. Это понимание успокаивает, прогоняя еще живущие в голове видения, и Ина опускает голову на мягкую подушку. Но забвение сна так и не возвращается к ней, и лишь свет начинающегося утра окончательно разгоняет ночные кошмары. Ина осторожно входит в комнату для обмена мыслями с Наивысшим Вечным. Никакого юного стража, никакого круга в центре комнаты и даже светильника. Она вздыхает спокойно. Бред. Просто много навалилось за вчерашний день.

– Комната для обмена мыслями всегда привлекательна, – раздался вкрадчивый голос за спиной. Ина даже вздрогнула. Она не слышала, как Жаба вошел.

– Тебе всего лишь двести лет Хранительница, а ты уже интересуешься вечным, – как всегда тусклым ровным голосом поинтересовался он.

– Жаба ты знаешь, что-нибудь о демонах, – не сдержалась Ина.

Жаба внимательно посмотрел на нее.

– Разве в комнате для обмена мыслями с Наивысшим Вечным принято произносить это слово вслух.-

– И все-таки, – Ина была упряма.

– Ама воспитала тебя вольной. Ты черпаешь силы из окружающего, тебе понятны законы природы, а может это не всё, а может тебе действительно, хоть раз обратиться к Наивысшему Вечному.-

– Я делала это, уважаемый Жаба, и не раз, когда того требовала моя душа. Пойдем, даже твой сумрачный сад озаряется лучами восходящего солнца, нам пора к Ковру мироздания.-

Они выходят на замшелые камни сада. Ина привычно закрывает глаза. Голубая вспышка разрывает темноту, и она благодарит окружающее, складывая у лба пальцы треугольником. Жаба напротив бормочет слова благодарности, замерев в том же жесте.

– Утро прохладное, – отмечает Жаба, – роща громко разговаривает.-

– Это всего лишь ветер, он так и не успокоился с ночи, – усмехается Ина, вставая на тропу к черным деревьям первой. Сон не дает покоя Ине. Она снова и снова возвращается к ночному кошмару, просматривая заново всё возникающие в голове ужасные видение. Она слышит пыхтение быстро устающего Жабы за спиной. Нет, это все разговоры с Амой о демонах на ночь.

– И все-таки, Жаба, – не выдерживает Ина, резко разворачиваясь к Жабе. Он, не ожидая этого, почти врывается в нее, отшатнувшись, делает шаг назад.

– Неужели можно заставить, кого-либо отказаться от своей жизненной энергии, добровольно ее лишиться, чтобы стать тенью.-

Жаба серьезен. Он смотрит на Ину, словно изучает ее, найдя вдруг в ней нечто новое и даже удивительное для себя. Ина ждет. Жаба неожиданно усмехается: – ты еще так наивна, Хранительница. Можно всё, если знать, что давать взамен или хотя бы, что обещать.-

Он пристально смотрит в глаза Ины и его взгляд, вернее его отсутствие явленной черной пустотой... меняющееся на глазах лицо Хранителя... Она уже видела это.

– Иди на Ковер мироздания, девочка, – его голос звучит обыденно, и лицо становится обычным, а у Ины совсем нет времени анализировать увиденное. Она уже сделала шаг. Послед-

ний взмах ресниц и голубая молния. Но что-то не так, опять что-то не так, чему она не придала значения, но машинально отметила и в прошлый приход на Ковер мироздания. Жаба... Его рука не чертит магический круг, который отправляет ее в нужное место. Он просто поднимает руку в прощальном жесте, не более. Тогда кто? Кто стоит за его спиной, очерчивая нужное. К кому он поворачивается в последний миг ее присутствия на Ковре... Голубые вспышки, и она покидает это пространство.

Глава 3

Некоторое время Ина приходит в себя. Станный был переход – долгий, вызвавший непривычный звон в ушах и легкое головокружение. Наконец, проявляются звуки окружающего ее, заглушая звон, окончательно гася его. Она медленно открывает глаза. Где она? Резные тяжелые створы двери медленно открываются перед ней, распахиваемые невидимыми руками. Высокий зал уходит в глубину, прочерченный двумя рядами массивных четырехугольных колонн. Он мрачен, этот огромный зал, свет дня с трудом пробивается через разноцветные витражи огромных окон за возвышением в противоположной стороне зала, под вогнутым куполом потолка, и лишь чадающие факелы, да огромная чаша с бьющимся пламенем в центре зала освещают всё вокруг. Два стража у открытых створов дверей в зал держат в руках длинные копья с металлическими наконечниками. Привычно устремленный в никуда взгляд, но одеяния! Одеяния, прячущие сильные тела. Они совсем другие... Тела плотно обтянуты панцирями из соединенных между собой блестящих, словно отполированных пластинок, похожих на кожу толстобрюхов, рукава нижнего одеяния из плотной серой ткани закрывают полностью руки до кистей. Головы укрыты башлыками серого цвета, которые почти целиком скрывают лицо, а концы их плотно обмотаны вокруг шеи. Ина начинает свое движение мимо этих стражей. Короткий взгляд – странные лица. Еще два – у ступеней, ведущих на возвышение. На возвышении два массивных кресла. В креслах фигуры. Ина отсюда пока четко не видит лиц. Еще два стража по бокам за креслами. Между колоннами жители и матильды. Молчаливый житель в глухой одежде под горло с множеством застежек склоняет перед ней голову, протягивая руку. Ина почему-то всё понимает. Она снимает лук и колчан со стрелами и безропотно отдает их в протянутые руки. Она идет по залу в его глубь, к возвышению. Много любопытных глаз, много бородатых жителей, пожилых и совсем юных матильд. Ина изумлена. В каком месте Гармоничного мира бородатые жители. А матильды. Они все в глухих закрывающих всё тело пестрых одеждах, длинный балахон, в разрезах которого руки в рукавах рубашек с кружевом, плотные платья, отделанные пушистыми полосками. Станные наряды. У многих какие-то уборы на головах с висящими у висков ажурными кольцами и ни одного хвоста на руке. Зачем они прячут свою гордость? Все откровенно, не скрывая удивления, рассматривают одежду в свой походный костюм Ину. Ей не очень уютно под излишне любопытными взглядами. Ее наряд слишком откровенен на фоне плотных, наглухо закрытых платьев окружающих ее особ. Да и вообще, она не привыкла к такому пристальному изучению со стороны толпы. Но где же она, где в Гармоничном мире такой огромный зал и такое количество незнакомых лиц. Ина идет вперед сопровождаемая взглядами и громким перешептыванием, приближаясь к возвышению. В одном из кресел сидит очень красивая матильда. У ней узкое лицо с идеальными чертами. Длинные светлые волосы падают на узкие плечи, затянутые в темно-зеленую ткань платья с необыкновенным отливом играющих на свету ворсинок, складками лежащего вокруг ног на каменном полу, расшитыми узорами из разноцветных самоцветов. Ее лицо надменно и холодно, в глазах ни проблеска живого участия. Ина переводит взгляд... и у ней перехватывает дыхание. В другом кресле... да, несомненно, он – молодой страж из Заветной рощи. Отсюда Ина уже может в деталях рассмотреть освещенное светом факела лицо. На копне светлых волос обруч власти, такой же, как у Аттала, только сделанный из знакомого Ине металла – золота и украшенный разноцветными камнями. За его спиной чуть в отдалении седой житель. Его умные глаза внимательно смотрят на Ину, рука уверенно лежит на рукояти меча, спрятанного в ножны у пояса – личный страж стража из рощи?

– Владелец Ортенберии и всех открытых земель Иаван готов выслушать тебя. –

Громкий голос стоящего у ступеней бородатого дородного жителя в темном одеянии до пола, с пушистой полоской по краям и массивной золотой цепью на обширной груди, выводит Ину из оцепенения.

– Ты человек, – понимание яркой вспышкой бьет по сознанию. Еще не веря себе, Ина делает шаг на ступеньку, не отрывая взгляд от лица стража. Нет, она точно не ошибается. Воины реагируют мгновенно, срываясь со своих мест ей навстречу. Иаван поднимает руку, останавливая воинов, они так же молниеносно занимают свои места у ступенек, замирая с каменными лицами. Не матильда, Ина теперь понимает, женщина из другого кресла со снисходительным любопытством наблюдает за происходящим. Иаван встает и идет навстречу Ине. Он останавливается на ступеньке прямо перед ней, высокий и сильный нависая над ней, с усмешкой заглядывая в лицо. Разворачивается, поднимая рукой светлые волосы, и тихо произносит: – у меня разве есть хвост, как у стража? —

Ина молчит. Происходящее сейчас с ней... этого не могло быть, более того, оно просто не возможно, не допустимо, немыслимо, нереально, необъяснимо... Она в мире людей!

– Моя мать, Америя, – обращается громко Иаван, оборачиваясь, к женщине в кресле, – представляю тебе нашу гостью. Хранительница Ина из далеких земель. Таких далеких, что тебе этого даже не представить, – тут же он разворачивается к находящимся в зале, его голос звучит еще громче, чтобы его слова могли слышать в самом отдаленном углу просторного зала, – прошу любить и жаловать! Она очень знатна у себя на родине, и я требую самого почтительного отношения к нашей гостье.-

Ина снова оглядела зал, людские лица и опять любопытство, откровенное, совсем нескрываемое изучение. Перешептывание и непонятные ухмылки. Что-то настораживающее и даже враждебное исходило от массы незнакомых людей, и Ина вдруг ощутила дрожь во всем теле. Холод ли пронизывающий этот огромный мрачный зал заставил трепетать ее или потеря ощущения пульсирующей энергии, с которой она всегда взаимодействовала в Гармоничном мире, но обтекающих тело потоков которой, она совсем не чувствовала сейчас. Она уже не смогла сдерживать дрожь, неудержимо сотрясающую ее тело, и Иаван понял. Он резко снял с себя свободное одеяние с пушистым воротом и накинул на плечи Ины. Согретое теплом его тела одеяние передает это тепло Ине, гася бьющий ее озноб. Она машинально схватывает длинные полы руками, кутаясь в него, словно прячась в нем от непомерного любопытства десятков глаз следящих за ней из глубины полутемного зала. Хрупкая Ина оказалась вся закутанная этим согревающим одеянием, низ которого лежал на полу, закрывая ее голые ноги в сандалиях. По залу прошелестел легкий вздох и перерос в возбужденный шепот.

– Видишь, – надменно обратилась к ней мать Иавана, – теперь ты по всем правилам почетная гостья, на тебе шуба с плеча самого Владельца всех открытых земель.-

Все смотрели на нее, явно ожидая от нее каких-то действий, но Ина, вцепившись в края такого греющего мягкого одеяния – шубы, стояла под любопытными взглядами молча и не шелохнувшись.

– Это твоя гостья, Америя, – теряя интерес к Ине, Иаван разворачивается к Америке, – а у нас церемонии окончены, солнце скоро сядет.-

Его голос громок. Он уже обращается к внимательно наблюдающему за происходящим на возвышении, жадно ловящим каждое слово произнесенное Владельцем людям, наполняющим огромный зал: – идем на луг у реки жечь костры, водить хороводы, да пить хмельные меды. Последние дни яркого солнца перед долгой зимой. Начало времени пляшущих костров. Надо урвать их все и использовать по полной.-

Иаван, снимает с головы обруч власти и небрежно бросает в руки седого человека, который почтительно кладет его на специальный резной столик, увенчанный красной бархатной подушкой. Владелец сбегает со ступенек мимо Ины, закутанной в его шубу, широкими шагами уверенно идет к двери. И тут, словно взмахом руки с толпы людей, наполняющих зал, снимают

почтительное оцепенение. Всё приходит в движение. Большинство людей с визгом и хохотом, шумной толпой следуют за ним. И уже слышны гнусавые пронзительные звуки и громкие удары неизвестной Ине природы.

– Опять много дудок и барабанов, да еще надоедливые шуты, – надменно бросает мать Владельца вслед удаляющейся из зала толпе, – воевода, задержись, – тут же обращается она к седому человеку с благородным лицом. Он единственный, как отметила Ина, вооруженный человек в этом зале, кроме воинов со странными лицами. Человек с почтением прикладывает руку к груди и склоняет голову.

– Проследи, будь любезен, чтобы не оплошать, как в прошлогодний прием молодой поросли знатных родов. Всего полмесяца начала осени гостят они в обители Ортенберии, а хлопот не оберешься. Мне дела нет, случись, что с кем из них, но молвы за спиной не хочу. Сына не остановить, да и желания нет неволить молодежь в скуках стен обители, пусть развлекаются в свое удовольствие перед последним праздником выбора своей судьбы. Многие из них уедут отсюда степенными обвенчанными особами, а я помню свои юные лета, и нет охоты быть им в веселье препятствием, но... – Америя многозначительно вздохнула, прямо глядя на седого воеводу, – многие меры хмельнопитию не знают, в прошлый год младшенький из рода владельцев Срединных земель за русалкой погнался, так и не нашли труп, чтобы с почестями похоронить. Усиль сегодня охрану, да постарайся, чтобы не очень заметны твои молодцы были. –

Воевода молча поклонился и, развернувшись твердой походкой воина, направился к двери зала.

– Члены совета правительницы, все свободны, – восклицает Америя и оставшиеся в зале люди, в просторных одеяниях с пушистыми широкими полосками по краям, почтительно кланяясь, прижимая руку к груди, покидают зал. Наконец, в зале остаются только Ина, Америя и воины со странными, словно окаменевшими, похожими на статуи темными лицами. Ина все время косится на них. Чудные они, непонятно ей свое предубеждение к этим живым статуям, что смущает, а ведь смущает... Америя поднимается из своего кресла.

– День к вечеру, гостья, – она хлопает в ладоши. Из-за занавеси, закрывающей небольшую дверь, wpłyвает в комнату крупная пожилая женщина с надменным не менее, чем у самой правительницы лицом, в глухом темно-сером платье, так похожим на балахон Смотрителя расятий. Лицо плотно обвязано платком, концы которого завязаны на затылке. За ней, наклонив голову, пряча от всех глаза, движется молодая девушка с длинной косой в темно-синем одеянии поверх белоснежной рубашки, украшенном разноцветной тесьмой, и встает перед Америкой, почтительно склонив голову, не смея даже поднять глаз на правительницу.

– Ладно, гостья, благодарить Владельца за подарок в ваших краях, видимо, не принято, – надменно произносит мать Владельца, обращаясь к молчащей Ине, – пойдем на этот раз, путь у тебя был долог, не будем тревожить тебя скорыми расспросами, твоя девушка покажет тебе твою опочивальню и поможет тебе в приготовлениях ко сну, если понадобится, принесет тебе в покой еду. –

Девушка идет по залу к выходу, услужливо оглядываясь, не отстает ли от нее гостья владельцев. Ина, не торопясь, следует за ней, краем глаза замечая, как в маленькой боковой двери пропадает стройная фигура правительницы, сопровождаемая пожилой чопорной женщиной. Человек у дверей, забравший у Ины лук и колчан, молча передает их девушке.

А дальше по длинным мрачным коридорам, освещенным тусклым неровным светом факелов, лестницам, опять коридорам, девушка выводит Ину на открытую галерею, через проемы каменных арок в стене которой, видно серое низкое небо чужого мира, над серым сумраком быстро надвигающейся осенней ночи. Они снова ныряют в глубину освещенного факелами коридора и, наконец, девушка распахивает перед собой дверь. Она быстро проходит внутрь помещения, привычно зажигает толстую свечу в центре широкой чаши массивного высокого

металлического светильника у каменной стены покоев. Ина осторожно входит в небольшую комнату и оглядывается.

– Вот мы и в угловой башне, ваши покои, – объясняет девушка, видя как осторожны движения Ины.

Четким силуэтом предстает в огромном зеркале перед Иной ее отражение. Она быстро отводит глаза. Ее, привыкшую в Гармоничном мире смотреться только в свое отражение в водах Окраинного озера, оно смущает и даже пугает.

– Сколько белого лунного металла, – удивленно говорит Ина, касаясь пальцами край широкой чаши на невысоком столике у широкого ложа. Тут же рядом кувшин, кубок. Она привыкла к предметам из мягкой земли, легко мнущейся руками жителей, выбравшими путь изготовления домашней утвари, а затем твердеющей на живом огне. Столько много изделий из такого металла она видела только в резиденции короля.

– Это серебро, – подсказывает ей девушка, – вода в таком кубке всегда чистая и холодная. – Девушка подходит к узкому окну в круглой стене башне и пытается закрыть его глухой деревянной ставней.

– Нет, не нужно, – останавливает ее Ина, – свет луны и солнца должны посещать комнату. —

– Хорошо, – соглашается тут же девушка, возвращая ставню на свое место у стены, закрепляя ее большим металлическим крюком, – но это пока не пришли заморозки.-

Девушка умело взбивает подушки, раскладывает белоснежные простыни на непомерно широком ложе с резными деревянными спинками.

– А это что, – со страхом указывает Ина на лохматую шкуру, которую девушка достает из внушительного сундука у стены и распрямляет поверх белой простыни.-

– Шкура медведя. Первые дни осени уж пришли. Дни короче и ночи холодные, – удивленно пояснила девушка.

– Не надо, – вскидывается Ина, – это шкура убитого зверя.-

– Но на вашем одеянии тоже часть шкуры убитого зверя, – девушка указывает рукой на опушку подаренной шубы. Ина сбрасывает с себя в спешке шубу и обхватывает себя руками пытаясь согреться.

– Тогда вы замерзните, госпожа, – взволнованно объясняет Ине девушка.

– Хорошо, – Ина осторожно гладит шкуру. Ничего не происходит, неведомый зверь медведь не оживает и не кидается на нее.

– Но я не госпожа, я Хранительница, – обращается Ина к девушке, снова закутываясь в дарящий такое блаженное тепло дар Владельца, – можешь звать меня Ина.-

– Как угодно, госпожа, но правительница – мать Владельца всех открытых земель будет недовольна, и меня накажут, – быстро проговорила девушка.

– Бред, – буркнула Ина, – хорошо, при ней зови госпожа, но наедине..., – Ина покачала недовольно головой, – там, откуда я прибыла, нет слуг, есть добровольные помощники и они свободны в своем выборе.-

– Я буду стараться, – девушка запнулась и, чуть помолчав, уже уверенней добавила, – Ина, – а потом даже улыбнулась, словно ей самой понравилось это обращение.

– Ну, а как мне обращаться к тебе, – спросила Ина.

– Я ваша девушка, – покорно склонила голову девушка, – и... —

– Нет, так не пойдет, – остановила ее Ина, – я не умею разговаривать с человеком, не зная его имени.-

Девушка задумалась, а потом тихо произнесла: – отец называл меня Златой, золотым своим дитятком.-

– Почему называл, – внимательно глянув на девушку с именем Злата, спросила Ина.

– Нет его уж давно. Ушел, оставив нас с матерью, ничего не сказав, да и сгинул в далеких неведомых краях. И его затащила, сгубила былина о великих кладах в северном городе богов на высокой горе. Сколько молодцов пропали без слуха, позарившись на богатства несметные. Ой... – покачала головой девушка.

– Значит Злата, да будет так, – твердо произнесла Ина, из всего рассказа Златы только и поняв, что девушка росла без отца. Похожие судьбы объединяют, значит сторониться Златы ей не придется. Она села на край огромного ложа, не мешая Злате заниматься тем, о чем Ина понятия не имела, и что правительница называла приготовлениями ко сну. Она скорее слышала звуки, не замечая движений. Она слышала, как бьется струя воды о край посуды из белого металла, слышала, как опять открывается крышка стоящего у стены большого сундука и шуршит раскладываемая на кровати одежда для сна, и это все пугало ее, потому что это было не фоном, а основным окружением, это наполняло все вокруг, но никак не то, что питало ее в Гармоничном мире, что давало ей все нужное для ее существования Хранительницы. Здесь этого не было, не было совсем, она не чувствовала потоков пульсирующей энергии, не видела голубых вспышек, которые постоянно сопровождали ее в Гармоничном мире и это лишало ее уверенности, словно она лишилась привычной защиты, превратилась в уязвимое слабое существо, не способное на любое действие, присущее ей, как Хранительнице. Конечно, у ней еще оставался свой запас внутренней энергии, но без внешней подпитки... неужели в мире людей ее природа, ее суть другие и она не Хранительница, всего лишь обычный человек.

– Злата, мне нужна вода, мне нужно омыть свое тело, – Ина словно вышла из оцепенения, стряхнув с себя морок непонимания окружающего. Конечно, хотя бы это, может в мире людей вода сотворит чудо...

– В соседней комнате рядом есть купель для омовения, но горячую воду готовить долго. Если вы подождете, госпожа... Ина, – поправляется Злата.

– Нет, нет, – торопится объяснить Ина, – мне нужно много воды. Мне нужно нырнуть и почувствовать биение воды.-

– Там внизу река, – встрепенулась, понимая ее желание, Злата, – но парадный выход ночью заперт, – тут же неуверенно добавила она и виновато улыбнулась. Ина с отчаянием смотрела на нее, не произнося ни слова.

– Хорошо, я попробую помочь, вам, Ина, – словно прочитав это отчаяние, решила Злата, – у вас отдельные гостевые покои, они в угловой башне, а в каждой башне есть свой выход для слуг, но я должна предупредить. В реке, в ее омутах и затоках живут огромные чудища, рыбы – сомы. Они такие огромные, как стволы старых деревьев и живут больше ста лет. В ночь пляшущих костров они приплывают к самому берегу, хватают хмельных гуляк решившихся зайти в воду и топят их в своих глубоких омутах. Вам не страшно? – Злата даже поежилась, словно воочию увидела этих страшных рыб-чудищ.

– Нет, – улыбнулась Ина, дотрагиваясь рукой до раковины на груди, – нет, это меня не пугает, прикосновение воды, это сейчас для меня важнее всего.-

И опять Ина идет за Златой. Только теперь Злата не оглядывается, уверенно, быстро шагая по сумрачному коридору. Они идут через ход для слуг по крутой спиральной лесенке вниз, и, открыв небольшую дверь в самом низу башни, выходят на лужайку, поросшую низкой мягкой травой. Проходят мимо каменной ограды идущей от стены замка по высокому берегу и по каменным ступенькам спускаются к самой воде. Заросли деревьев с узкими листьями на гибких ветвях склонились прямо над гладью реки, огромными шатрами скрывая край берега. Ночь царила над миром людей, надежно скрывая от Ины окружающее, лишь силуэтами обозначая дальнее. Из-за зарослей неслись громкие звуки веселья. Смех и визги девушек взрывали тишину летней ночи. Свет огромного костра плясал бликами на воде, четко видимый на темной глади широкой реки.

– Вы чего, приказ правительницы нарушать! —

Неожиданно прозвучавший голос заставил Злату громко ойкнуть и остановиться. Из шатра гибких ветвей вышли двое воинов. Они огромными тенями надвигались на девушек. Один даже для остротки наполовину обнажил клинок меча из ножен и на его зеркальной заточенной поверхности зловещими бликами играл лунный свет. Злата замерла каменным изваянием с застывшим ужасом в глазах. Ина в общем-то не понимала всего происходящего, но чувствовала себя неуютно перед надвигающимися, так устрашающе, громилами.

– Вы с каким умыслом по ночам бродите, – продолжала бить один из них, – напасть в ночном мраке злодейски на гостей правительницы решили, а может на самого Владельца? —

– Да уж точно, – подхватил второй, – виселицу давно не мастырили, а мы денежки за поимку лихих злодеев получим... —

Злата судорожно глотнула.

– Но вообще-то ночь темна можно и договориться, – протянул один из охранников, – за сладкие объятия и поцелуи простить можно многое. —

– Да почти все, – плотоядно хохотнул второй, вплотную приближаясь к Злате, нависая над замершей девушкой огромной глыбой.

– Стоять, – спокойный, но твердый голос, прозвучавший за спинами девушек, заставил ретивых воинов застыть на месте и вытянуться в струнку. Суховатый воевода, на голову ниже вытянувшихся и похоже даже не дышавших громил, уверенно встал перед девушками и вдруг низко поклонился Ине.

– Простите глупость моих людей, гостя Владельца, вы свободны в своем передвижении по обители Ортенберии и впредь больше никто не помешает вашим намерениям проводить время здесь по вашему усмотрению, – говоря, он выразительно глянул в сторону застывших воинов. Те покорно склонили головы перед Иной, прижимая в знак признания кулак к груди, и моментально, словно растворились в сумраке деревьев-шатров.

– Приятной ночи, – тихо произнес воевода.

– Приятной ночи, – эхом ответила озадаченная Ина, смотря в спину поднимающемуся по лестнице воеводе.

– Что это было, – обратилась Ина к Злате.

– Приказ правительницы, – виновато улынувшись, развела руками та, – ночью нельзя выходить за пределы обители, чтобы худое не замыслили, да не исполнили.-

– Ты вышла, – нахмурилась, не понимая, Ина.

– Вам же нужна вода, а потом в обители так много приказов, если всем следовать и жить никак не получится, – просто пояснила Злата.

«Надо впредь быть внимательней, – попеняла себе Ина, – так отзывчивую Злату под беду подвести не долго».

Ина, как и в своем Гармоничном мире, прямо в походной одежде осторожно вошла в незнакомые воды и неторопливо, широко раскидывая руки, поплыла под скалой, огромная черная тень от которой накрывала половину реки, стараясь не попасть в круг воды, высвеченный горящим у самой воды костром. Серебристой тенью проплыла мимо огромная рыба, почти касаясь Ины, но чуть, ударив по воде хвостом, ушла вниз, теряясь в темных глубинах неведомых вод. Ина машинально коснулась рукой витой раковины, благодаря Водяное чудо за его оберег и предвидение. Из воды четко выделялся освещенный большим костром берег и буйное действо резвящихся людей. Лихо, с разбегу прыгают через устроенные по лужайке вдоль берега костры поменьше, взявшись за руки юноши и девушки, заливаясь беззаботным молодым смехом. Вьется, кружится хоровод веселящейся молодежи между костров под громкие звуки льющиеся трелями из тонких палочек, держащих их у губ людей, и ударами вторят им другие, бьющие руками в плоские круги. А вот и сам Иаван грубо хватает одну из визжащих девушек, задирает ей юбку, рукой проводя по бедру, и впивается грубым поцелуем в губы. Тут же отталкивает ее в объятия подхватившего девушку молодого парня и, и нетерпеливо вырывая

из рук другой девушки большую чашу, которую она еле успевает наполнить, идет неверными шагами хмельного человека к кромке воды. Где-то раздался всплеск играющей рыбы. Иаван вглядывается в темные воды под скалой.

– О! – его удивленный возглас дал понять Ине, что она все-таки попала в поле зрения хмельного Владельца.

– О, ты, прекрасная, русалка, присоединяйся к нам, – взывает он к Ине, протягивая чашу в ночь нетвердой рукой, пытаюсь между тем держаться ровно, – в любом случае, эта чаша за твоё здравие, – громко провозглашает он, прикладываясь к необъятной чаше.

Счастье, что тьма так надежно скрывает ее, фыркнула Ина, стараясь поскорей покинуть открытое взору место, на её счастье, в таком состоянии вряд ли грозный Владелец понимал, кто перед ним. Ина заплывает назад в заросли, которые прячут ее от Иавана.

– Я с удовольствием превратила бы тебя в тень в Гармоничном мире, чтобы Водяное чудо переправило тебя в Запретный лес на съедение многоруким великанам, – бормотала Ина, вылезая на берег. Такое буйное хмельнопитие в Гармоничном мире наказывалось превращением в тень. Там это считалось пороком, достойным самого строгого наказания.

Злата тут же подает прихваченную ею из покоев простынь, заботливо помогая Ине вытереться и, наконец, закутавшись в шубу подаренную Владельцем, Ина следует за Златой уже знакомой дорогой...

– Я расчешу вам волосы, Ина, – берет с готовностью Злата золотой гребень, оставленный на небольшом столике у ложа.

– Нет, нет, – сопротивляется Ина, поднимая руку, – иди, отдыхай. Я дальше сама.

Не хватало еще, чтобы старательная девушка до утра плясала вокруг нее, исполняя то, что привычно делать Ине самой.

Злата покорно склоняет голову и удаляется, тихонько прикрыв за собой дверь.

«Какая дикость, – бродит в голове, – какая грубость,» не может успокоиться Ина. Она садится на кровать, машинально разглаживая нежную ткань рубашки для сна. Увиденное не идет из головы. Как ужасен мир людей. Ходят в шкурах убитых ими животных. Служат по принуждению, а не по желанию. Какие еще кошмары предстанут перед ее глазами, какие неведомые ужасы ожидают ее в этом диком мире. От этих мыслей шемящая тоска по утраченному дому, Гармоничному миру, так ощутимо пронзает холодом сердце. Она натягивает рубашку для сна и усердно просит прощения у убитого неведомого зверя медведя, но ничего другого как накрыться его шкурой ей не остается. В комнате действительно очень холодно, а потоки пульсирующей энергии так и не проявляются, не привнося привычного спокойствия в окружающее, и даже омовение не принесло ожидаемого результата...

Ина проснулась, когда первый луч встающего солнца проник через узкое окно опочивальни, ярко освещая каменное пристанище Ины. Она тяжело вздохнула. Не очень приятное пробуждение в чужом, таком чужом для нее мире. Тихо открывается дверь.

– Простите, госпожа, ой, Ина, – тут же поправляется Злата, – я помочь вам собраться к утренней трапезе. Правительница не любит ждать, а мне она еще с вечера наказала вас добудиться и собрать. Это так почетно, так почетно, – продолжала Злата, уверенно хлопоча вокруг. И опять гремели серебряные посудины, звенела струя воды наливаемой Златой из кувшина, разбиваясь о дно посудины для утреннего омовения, – утренняя трапеза с самими владельцами обители. Остальным гостям этих стен трапеза подается в их покои.

«Лучше бы так было и со мной», – моментально пронеслось в голове.

– Что ж, Злата, – улыбнулась Ина, тем не менее, уверенно отбрасывая шкуру в сторону, – учи, что принято в вашем мире делать с раннего утра.

Умывшись холодной водой, она уже не стала сопротивляться и дала Злате уложить свои волосы в косу, которую та умело закрепила на затылке заколкой.

– У вас, Ина, золотые волосы, – ворковала Злата, аккуратно работая гребешком, – цвет спелой пшеницы.-

– А у Владельца, – неожиданно поинтересовалась Ина, – какой цвет, в нашем мире ему нет названия.-

– Как у его матери, – удивилась Злата, – цвет золотого меда. Это у них по семейственности передается. Просто после яркого летнего солнца волосы стали намного светлее, почти белые. В нашем мире есть много оттенков белого и золотого, а у старейшин цвета снега.-

Странно слушала ее Ина, в Гармоничном мире все проще – цвет огня и цвет черной земли, а снег, что это такое снег, такого в Гармоничном мире не бывает.

Ина одевает свой походный наряд и со вздохом кутается в подаренную ей шубу. Приходится мириться с полоской шкуры убитого зверя, такой пушистой и греющей. Солнце в мире людей скупое на тепло, хотя они говорят, что дни яркого солнца еще не кончились. Им видней. Опять мрачные коридоры, освещенные тусклым дрожащим светом факелов. Просветы каменных арок галерей, круглые и квадратные колонны, а между ними... Ина идет медленней, разглядывая удивительное, необычная красота. Каменные фигуры – застывшие изваяния юных дев с поднятой рукой и раскрытой ладонью, другая прижата к груди. Четко прорисованные в камне полные светлой печали глаза смотрят за Ину в высокое небо, волосы у одних падают волнами на каменные плечи, у других убраны под покрывала, каменные складки которых опускаются по пышным одеяниям до самого постамента. Вчера вечером Ина и не заметила их, смущенная навалившимся неожиданным. Она останавливается и вопросительно смотрит на Злату.

– О, это вечные охранительницы обители, – охотно поясняет та ей, – в накидках – ушедшие к предкам жены бывших владельцев, а простоволосые – рано покинувшие этот мир их дочери. После ухода они все становятся охранительницами и светочами. Темные ночи наступают рано и долго их время длинной зимой, а в раскрытых ладонях горят свечи, освещая зимние темные галереи – они и после ухода охранительницы тепла очага и света обители.

«Наверное, как и она и у себя в Гармоничном мире – Хранительница голубой энергии – жизненной силы этого мира», – тут же пришло понимание. А дальше, после лестниц, в каменных нишах под резными портиками опять статуи, но уже каменные воины с мечами, старцы в плащах и одеяниях как у Владельца.

– А это уже прежние хозяева обители, – кивает головой Злата на появляющуюся в нише очередную фигуру, охотно продолжая свой рассказ, – вот этот – дядя нашего Владельца, – останавливается Злата у изваяния крупного бородатого мужчины в странных широких одеяниях с выбитым на камне замысловатым орнаменте, – он был Настоятелем, единственный из Владельцев отказавшийся от обруча власти и посвятившего себя служению. Давно почил, еще до того как Владелец появился на свет. —

У дверей трапезной двое воинов. Все-таки они странные, опять отмечает Ина. Она вдруг внимательно вглядывается в них. Вроде люди, но... ни живого проблеска, ни мысли в смотрящих мимо нее в никуда глазах, лица, словно застывший камень. На головы накинута серые башлыки из плотной материи, которые обнажают бритые лбы. Концами башлыков плотно обмотана шея. На смуглых щеках и не закрытых серыми башлыками лбах странные татуировки, какие-то знаки, словно сакральные письмена, понятные лишь посвященным. Они как молчаливые призраки, знают ли они речь, закрались сомнения в голову и тут же оставили ее – Злата распахнула перед ней дверь трапезной. Ина чуть замешкалась в дверях, с порога осматривая довольно обширное помещение.

Злата застыла у дверей, склонив голову, даже не пытаясь краешком заглянуть вглубь помещения, всем своим видом давая понять Ине, что дальше той придется двигаться самой.

Строгий взгляд женщины стоящей чуть в отдалении за спиной правительницы, заставил Ину стронуться с места.

– Нет, все-таки не она, – констатирует Ина, бросая по ходу короткий взгляд на строгую женщину. Поменьше вчерашней провожатой правительницы, но одежда абсолютно одинакова, что делало этих женщин такими похожими. Ина в Гармоничном мире сталкивалась только с формой стражей и понятия однообразного одевания служащих... хотя как белые одежды у Гребцов, сопоставила для понимания Ина. Массивный длинный стол занимает треть трапезной. С одной стороны заставленного различной снедью стола – правительница с неизменно надменным лицом, напротив нее – Иаван. В массивной каменной стене очаг, в котором бился огонь, дающий живительное тепло, так ощутимо заполняющее обширное помещение. Да, холодным было солнце в людском мире. Его свет заливал трапезную, пронизывая всё пространство, пробиваясь лучами через ряд узких стрельчатых окон, закрытых неизвестным Ине довольно прозрачным материалом, но, совсем, не даруя тепла этим мрачным каменным стенам. И очередной ужас. По обе стороны от очага на серых камнях стен, висят, в обрамлении резных листьев неизвестного растения, искусно вырезанных в дереве объемных подставок, головы разных животных, неведомых Ине. Волна возмущения уверенно проникает в душу, по мере того, как Ина движется к столу, смотря в сверкающие бусины вместо глаз, вставленные в пустые глазницы убитых созданий.

– Мои охотничьи трофеи, – видя ее внимание, вполне довольно заявляет Иаван. Он сидит, развалясь вольготно в кресле, вытянув длинные ноги.

– Там рогатый олень, – небрежным жестом лежащей на подлокотнике кресла рукой указывает он на пугающие головы, – я долго выслеживал этого красавца в дубовой роще, но он не ушел от моей стрелы, а там дикий вепрь долгое время наводивший ужас на всю округу. Никто не смог с ним справиться, а я убил его, всадив нож прямо в сердце. Дальше дикая кошка – рысь, пятнистый леопард, там трепетная лань, дикий бык, лось с ветвистыми рогами... —

– Ты можешь не продолжать, – грубо прервала его Ина, – твои забавы мне понятны.-

– Тебе напомнить, что ты разговариваешь с Владельцем всех открытых земель, – надменно вмешалась Америя.

– Я вижу перед собой лишь властолюбца, – не смутилась Ина, – самовлюбленного, жаждущего власти над всем живым.-

Иаван с нескрываемым интересом рассматривал явно взбешенную Ину.

– Сдерживай свои вольные речи... – начала Америя, но Иаван прервал ее, подняв руку.

– Я соврал, Хранительница, – усмехнувшись, выдал он, – вепрь и олень и правда – мои. А все остальные трофеи – подарки послов и моих поданных из разных земель. Но ведь я и не скрываю, в этом я абсолютно честен, я не очень жажду власти, – он многозначительно заглянул в ее глаза – он ответил на ее брошенное в гнев – «властолюбец», – охота, впрочем, как и любые развлечения, мне больше по сердцу, чем властные, но такие скучные обязанности. —

Он поднялся и отодвинул один из крепких стульев у длинного стола: – присоединяйся, Хранительница, утренняя трапеза дает силы на весь день, – указал он рукой на ожидающее ее место за столом. Ина, еще борясь с неудержимо рвущимся наружу гневом, села на стул с высокой изящной резной спинкой. Впрочем, Иавана, похоже, совсем не трогала ее встревоженная душа. Он вернулся на место, спокойно беря со стола серебряную ложку. Ина некоторое время сидела в полном молчании, наблюдая, как старый слуга с седой головой заполняет стол перед ней серебряными приборами. И тут же властный голос правительницы взорвал тишину трапезной.

– Ты не расторопен, Фрол, – не сдерживаемым раздражением звенел ее голос.

Ина подняла голову. Правительница, сузив глаза, излучающие презрение, смотрела на седого слугу, склонившегося перед ней в поклоне.

– Ты стал стар, чтобы обслуживать стол Владельца, я прикажу изгнать тебя из обители.-

– Смилуйтесь, правительница, – еще ниже склонил голову седой слуга, – я всю жизнь верой и правдой... здесь, – тихо произнес он, – у меня и угла-то своего нет.-

Красивые губы Америя сложились в ядовитой усмешке, готовясь высказать очередное недовольство.

– Да смиляется, – неожиданно, не дожидаясь слов матери, спокойно махнул рукой Иаван, – не правда ли, матушка, – он внимательно глянул на Америю, – старому слуге с момента твоего появления в обители служившему тебе, негоже отказывать.-

Америя промолчала, но в этом ее красноречивом молчании проявилось все недовольство, которое она не высказала лишь останавливаемая присутствием за столом нового лица и гости – Ины.

– Не смущайся, Хранительница, – как нив чем не бывало, обращает свое внимание на Ину Владелец, – хотя, впрочем, понятно, тебе чужды яства людского мира, мясо убиенных животных и дичь в таком изобилии представленном на этом столе, – Иаван широким жестом руки обвел заставленный стол, – боюсь и наше питье ты не примешь – хмельные меды, так приятно дурмнящие голову, правда вызывающие жажду после излишнего их принятия, а посему, седой друг Флор, угости нашу гостью овощами с полей крестьян, хлебами, да лесными орехами и не забудь – родниковой воды прохладной в серебряном фамильном кубке.-

Ина сидела, ни жива, ни мертва. Такая забота. Конечно он знал, что подается на стол в Гармоничном мире. Ох уж, как и быть с этим безалаберным Владельцем, пока только раздражающим ее своей беззаботностью. Утренняя трапеза продолжалась в полном молчании. Ина бросала редкие взгляды на занятых неторопливым поглощением яств Иавана и Америю. Они совсем не удивлены ее появлением, как-будто оно ожидалось здесь, как-будто представитель иного мира был совершенно обыденным явлением и не требовал никаких вопросов, более того, ее появление не вызвало даже интереса. А сам Владелец, беспутный Иаван он хоть понимает, что он сотворил, вытащив ее в мир людей. Как, как ей вернуться обратно в Гармоничный мир, если здесь нет второго Хранителя?

– Ты мало ешь, – наконец властно замечает Америя, – а ты молодая девушка, как ты собираешься носить ребенка. —

«Почему она так разговаривает со мной, словно знает, кто я и зачем я здесь, – пробегает в голове Ины, – она даже не интересуется целью моего визита. А Иаван, похоже, он вообще ради своей блажи вытащил ее сюда, не мог же он не знать, чем обернется его посещение Заветной рощи и уход с Ковра.»

– В мое время таких вот худышек специально кормили, а то было тяжело выдать замуж, – дошел до нее голос Америки, – худая девица без ямочек на щеках, не приведи звездные боги хвора, еще и потомству хворь передаст, да и для мужских утех слаба будет... Ну да ладно, – махнула рукой Америя, тут же теряя интерес к начатой теме, – Иаван, я послам соседнего владельца отказала в их притязаниях на стадо убежавших с их земель коров. Глупые животные сами перешли на наши земли, никто их не угонял. По закону коровы наши. Иаван, ты слушаешь меня, – Америя отложила вилку в сторону, в упор глядя через длинный стол на Иавана, который как раз подмигнул задумчиво смотрящей на него Ине, – это ни много, ни мало почти сотня голов, я уже дала распоряжения приписать их к стаду Владельца всех открытых земель, твоего стада. Но тут и случилась незадача, сосед-владелец грозит войной. Послы были неумны. Нужно проверить заставы по этим границам.-

Ина больше не смотрит на Иавана. Он улыбается. Как же она зла на него. Что за прихоть, затащить ее в мир людей, что за игрушки этого взрослого недоросля. Кто из мира людей отправит ее назад? Как она вернется в свой Гармоничный мир?

– Иаван, – Америя настойчива, – нужно отправить воинов, а лучше тебе самому отправиться туда, чтобы молва дошла до соседа-владельца. У него сейчас с сыновьями из-за наслед-

ства распри, слаб он сейчас, покажем силу, он и слова поперек не скажет, еще и послов утихомирят.-

В дверь боком протискивается толстая служанка, аккуратно, чтобы не уронить большой поднос с серебряным кувшином и кубками. Она степенно несет кувшин, стараясь, видимо, как принято здесь, неспешно подать питье. Она кораблем плывет к столу, аккуратно переставляя ноги. Лишь чуть колышутся длинные юбки темного одеяния. Она ставит кубок перед правительницей и наливает туда пряно пахнущую золотистую жидкость, минует Ину с уже поставленным кубком с простой водой и подходит к Иавану ковыряющемуся в своей тарелке. Она размеренно начинает те же движения, которые выполняла рядом с правительницей.

– Иаван, ты мне что-нибудь ответишь, – голос Америкки звучит над столом. Тишина была ответом на ее строгий вопрос. Ее глаза уже горят раздражением, еще немного и гнев проявится в словах. И вдруг глухой шлепок прорывает тишину. Ина, вздрогнув от неожиданности, видит, как округляются в возмущении красивые глаза правительницы, которая, видимо, не может даже подобрать слов на выходку сына. Всё просто, сидящий с отсутствующим видом Иаван хлопает рукой по задку толстую служанку, которая от неожиданности взвизгивает и даже подпрыгивает, судорожно глотая от страха воздух, тем не менее, заученно-заискивающе смотря на Иавана.

– Торопись, толстячок, меня мучает жажда после вчерашнего, а моя мать пытается заставить меня слушать степенные речи.-

Даже Ине становится неуютно от такого непочтения, но Иаван совершенно невозмутим, он лишь в нетерпении постукивает по столу пальцами. Как же ему скучно. Эта утренняя трапеза начинает тяготить его. Служанка незамедлительно наливает ему в кубок напиток из кувшина и старается как можно быстрее покинуть трапезную, дабы не навлечь на себя господского гнева.

Ина поднимает глаза, в упор рассматривая смакующего напиток Иавана.

– Как ты оказался в моем мире, кто отправил тебя туда, – строго спрашивает она.

– Спроси что-нибудь попроще, Хранительница, – не задумываясь, отвечает Иаван, отрываясь от кубка, – наверное, я колдун, пророк-рекомый, – он ставит кубок на стол и, откидываясь на спинку стула, совершенно серьезно долго смотрит прямо на Ину, словно готов искренне посвятить ее в тайну перемещения, – нет, Хранительница, это ты навела на меня свои чары и заставила появиться перед твоим не знающим снисхождения карающим взором, – ухмыльнувшись добавил он, возвращая лицу привычную гримасу скуки, снова отрывая от стола кубок.

– А если серьезно, – Ина непробиваемо строга, ее не забавляют шутки Владельца.

– Если серьезно, я не имею понятия. Я засыпаю и... бац – просыпаюсь в Гармоничном мире. Засыпаю и... опа – я дома.-

Ина промолчала. Она знала, что это. Иаван понятия не имеет о перемещении, кто-то погружает его в пустоту сна и перемещает, но кто и зачем. Она ничего не знает о мире людей. И почему Иаван бросил вчера Америкки – «это твоя гостя»... Хорошо... Ина будет терпелива, она найдет выход.

– Ты далеко собрался, – вопрошает Америка неожиданно поднявшегося из-за стола Иавана.

– Прогуляться. Проветриться и не мешать, несомненно, вашим важным беседам, – направляется он к двери, – я вдоволь насытился и вашими беседами и вашим обществом.-

– Он неисправим, – бросает вслед уходящему сыну Америка.

Ина косится на спокойно продолжающую трапезу Америку. После всего произошедшего так равнодушно брошенные слова... По-видимому ей совсем не мешает такая жизнь ее сына. Ина украдкой еще раз смотрит на спокойно продолжающую наслаждаться едой Америку. Ее равнодушие лишь укрепило в ней уверенность, скорей наоборот, правительницу вполне устраивает его явное нежелание вмешиваться в дела управления своими владениями. Насколько

проще быть единственной хозяйкой и реальной правительницей, обладая всей полнотой власти... А вот у Ины всякое желание трапезничать пропало. Звуки долетающие со двора... Ина прислушивается.

Трубят рог, раздаются прерывистый лай своры собак и лошадиное ржание, звуки совершенно незнакомые уху Ины. Громкий смех многих людей вплетается в непонятные звуки, собираясь в общую какофонию.

– Пойдем, – видя ее любопытство, встает Америя из-за стола, – ты, я вижу, закончила трапезу, а пропустить воистину великолепное зрелище ... – она направляется к боковой двери трапезной и выходит на открытую галерею, с которой открывается вид на внутренний двор обители. Ина выходит следом и молча встает рядом, рассматривая происходящее на массивных плитах двора.

– Они всегда готовы к развлечениям, – улыбается Америя, смотря вниз, – молодые годы даются для этого и грех не пользоваться даром звездных богов, – уверенно добавляет она.

– Ты гостишь в хорошее время, – обращается она к Ине, – две недели дней веселья после сбора урожая и перед началом долгой зимы. А ночи... ночи пляшущих костров, когда небо усыпанное дрожащими звездами шлет на землю их свет и бледноликая луна нашептывает свои песни неслышные уху человека, но прекрасно различимые юным сердцам. Пляска огня ускоряет бег крови по венам и все это усиливает вечное притяжение двоих, заставляя следовать этому зову и делать выбор – выбор суженых. В обители Ортенберии гостит много молодежи пришедших в возраст обручения, наследников великих родов титулованных владельцев Срединных и Дальних земель, обычай очень древний и правильный. Почетно соединение рук в присутствии самого Владельца. —

– Они верхом на животных, – удивилась Ина, разглядывая гарцующих разномастных животных с длинным гривами, на спинах которых, украшенных яркими покрывалами с вышитыми золотом и серебром непонятными Ине знаками и разместились молодые люди, среди которых множество прекрасных, юных, разодетых в яркие разноцветные наряды, дев.

– Это лошади, – улыбается Америя, – отпрыскам знатных родов, чьи гербы красуются на покрывалах под седлами, будущим владельцам своих земель не пристало, как обычным простолюдином передвигаться пешком. Для этого в людском мире есть лошади.-

– Разве закон не запрещает использование животных, – искренне удивляется Ина.

– О чем ты, смешная, смотри, вон в одинаковых темных одеяниях люди с большими птицами на руках – это ловчие, птицы помогают в охоте на дичь их специально обучают этому, а там, смотри, там, – Америя уже с загорающимися глазами азартного ценителя охоты, хватая Ину за руку, направляя ее внимание, – смотри, как рвут поводки в руках псарей, хрипя, давая лаем, собаки-гончие, они уже захлебываются собственной слюной в предвкушении охоты. Звездные боги дали всех этих и множество других животных людям в услужение, разве можно отказываться от такого дара, – Америя оставляет руку Ины и с блуждающей на лице гордой улыбкой наблюдает, как пестрая толпа в ярких нарядах, покидает двор под какофонию трубящих охотничьих рогов, лай спущенных с поводков собак, устремившихся вслед за уже проезжающими через высокие ворота обители всадниками на прекрасных сильных животных-лошадях.

Ина потрясена. Столько животных и все для использования. Людской мир так расточителен, лишая себя красоты любования свободным живым миром в естественных их условиях существования.

– Разве он не вызывает у тебя интереса, – вдруг обращается Америя к Ине.

– О чем вы, правительница, – Ина с удивлением смотрит на Америю, внезапно отвлеченная от своих размышлений. Она совершенно искренне не понимает ее.

– Даже любопытства, – недоверчиво смотрит на нее Америя, – он очень красив. В нем не столько божественной крови, сколько в тебе, но он тоже с немалой частью крови звездных богов. –

Ина качает головой. О чем говорит правительница, да, Иаван красив, Ина это уже заметила при первой встрече, она и не думала отрицать этого, тем более этот факт не имеет к ней никакого отношения, но причем здесь еще и упомянутая божественная кровь, о чем говорит правительница. Америя вдруг взрывается звонким смехом.

– Бедная девочка, ты действительно искренне не понимаешь о чем я, – она с умилением смотрит на Ину, – о, звездные боги, да ты же лишена столько интересного, что составляет жизнь человека, да почти всего лишена там, в своем Гармоничном мире. –

– Вы знаете о Гармонично мире, – тут же настораживается Ина.

– Не удивляйся дорогая, – умиление не пропадает в голосе Америк, – эти его странные видения. Я думала он любимец звездных богов, и они даруют ему прекрасные сны, в которых он видел твой мир и много мне рассказывал о нем, а последний раз и о тебе. Я предполагала – может его судьба быть даже пророком. Рекомым! Это так почетно в нашем мире. Но появилась ты, и стало понятно – это правда, это не сны моего сына. Гармоничный мир такая же правда, как и то, что нас сейчас окружает. Я надеюсь, ты мне еще подробно расскажешь о своей стране..., – Америя посмотрела в сторону высоких ворот, в проеме которых терялась шумная кавалькада, – его так любят девушки, да и он сам... – она чуть помедлила, – не теряется, – ухмылка четко проявилась на красивом лице.

«О чем говорит сейчас Америя,» – недоумевает Ина, – «что она пытается объяснить».

– Я постараюсь помочь тебе, девочка. Мы обратимся к говорящей с тьмой. Эта ведьма стара, как наш мир и, думаю, знает способ вернуть тебя домой, – улыбнулась Ине Америя, повернувшись к ней, когда за воротами исчез последний всадник.

День тянулся медленно. Ина не выходила из обители. Неуютно ей в людском непонятном мире, не хотелось лишний раз встречать взгляд любопытных незнакомых глаз, несущих неведомую энергию, чем потом излечиваться – внутренняя голубая энергия небеспредельна... Она сидела на широком ложе, слушая спокойные рассказы об обычной для Златы, но такой чудной для Ины жизни в людском мире. Она даже иногда задавала Злате вопросы, останавливаясь на чем-нибудь зацепившем ее, но мысли не покидали, всё усиливая тревогу. Она подходила к узкому окну башни и глубоко вдыхала чистый воздух с реки, но потоки... пульсирующие потоки голубой энергии так и не кружили вокруг и мучительно давило непознанное, что с ней будет, когда запас внутренней энергии исчерпается без остатка.

– Правительница изволила отдыхать, просила передать, чтобы трапезничали без нее, – суровая женщина в глухо обвязанном платке появилась на пороге после скрипа открывшейся двери и своими словами вызвала даже вздох облегчения. Что-то не очень комфортно чувствовала себя Ина в присутствии надменной матери Владельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.